

АКТУАЛЬНАЯ
ТЕМА

A portrait of Nikolai Zlobin, a man with curly brown hair, a beard, and glasses, wearing a blue and white striped shirt under a black jacket. He is positioned in the center of the cover, with a stylized American flag in the background.

**Николай
ЗЛОБИН**

ПОЛИТОЛОГ С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ,
ПРЕЗИДЕНТ CENTER ON GLOBAL INTEREST
В ВАШИНГТОНЕ

ИМПЕРИЯ СВОБОДЫ:
ЦЕННОСТИ И ФОБИИ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Актуальная тема

Николай Злобин

**Империя свободы. Ценности и
фобии американского общества**

«ЭКСМО»

2016

УДК 323(73)
ББК 66.3(7Coe)

Злобин Н. В.

Империя свободы. Ценности и фобии американского общества / Н. В. Злобин — «Эксмо», 2016 — (Актуальная тема)

ISBN 978-5-699-92165-2

Новая книга политолога с мировым именем, к мнению которого прислушивается руководство основных государств, президента Center on Global Interests в Вашингтоне Николая Злобина — это попытка впервые разобраться в образе мыслей и основных ценностях, разделяемых большинством жителей США, понять, как и кем формируется американский характер, каковы главные комплексы и фобии, присущие американцам, во что они верят и во что не верят, как смотрят на себя, свою страну и весь мир, и главное, как все это отражается в политике США. Еще один очень увлекательный том энциклопедии американской жизни от Злобина, рассказывающей, чем живет и дышит население единственной сверхдержавы мира. Эта книга и для тех, кто интересуется мировой политикой, историей, психологией, культурой, и для тех, кому просто интересна Америка.

УДК 323(73)
ББК 66.3(7Coe)

ISBN 978-5-699-92165-2

© Злобин Н. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Предисловие[1]	6
Личное вступление в тему книги	15
Глава 1. Базовые ценности: законы Божьи и человеческие	22
Америка религиозная	22
«Казус мелкой чиновницы»	28
Супруг президента	35
Закон – главная религия Америки	40
Жизнь «по книжке»	45
Глава 2. Характер – американский	50
Разница между философом и инженером	50
Бабушка versus бебиситтер	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Злобин
Империя свободы: ценности и
фобии американского общества

Фото автора на обложке С. Синцова

© Злобин Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие¹

В 2009 году мы с моим другом и соавтором по серии книг о современной политике, российским телевизионным журналистом Владимиром Соловьевым написали большую книгу под названием «Противостояние. Россия – США», где, как сейчас становится все более очевидным, довольно точно сумели предсказать траекторию эволюции российско-американских отношений в обозримом будущем, да и всего комплекса отношений России и Запада. Эта книга остается весьма адекватной, актуальной и современной для понимания сути того, что происходит между Москвой и Вашингтоном, – к большому удовлетворению нас, ее авторов; хотя в то же время ее печальные, но теперь уже подтверждающиеся выводы не могут не вызывать естественного и глубокого разочарования. Но вспомнил я об этой книге здесь не только поэтому. В ней, в частности, описан разговор, в свое время состоявшийся у меня с большой группой ведущих американских экспертов по России.

Здесь необходимо небольшое пояснение. Всех, кто на Западе занимается Россией, можно разделить на несколько больших и очень разных категорий. Одна из них состоит из, скажем так, профессиональных «советологов», русистов. То есть из тех, кто изучал Россию и СССР в университете, занимался русским языком, историей, культурой, религией России, читал книги русских и советских писателей, ездил в Россию на практику и стажировки, защищал диссертации по российской тематике и т.д. Иными словами, это страноведы, специализирующиеся на России. Раньше таких специалистов было много, а теперь, конечно, гораздо меньше. После распада СССР и конца холодной войны их количество резко пошло на убыль – рынок труда стал стремительно сокращаться, уменьшилось число американских студентов, которые хотели бы изучать русский язык и культуру, политику Москвы и т.д. Это снижение достигло своего пика в начале века, хотя в последние несколько лет процесс не только приостановился, но и стал отчасти неуверенно набирать обратный ход.

В любом случае могу сказать, что эти люди очень хорошо знают Россию, говорят по-русски, следят на ежедневной основе за тем, что происходит в стране. Как правило, они работают в политических структурах, исследовательских центрах, институтах, неправительственных организациях. Я бы сказал, что на самом высоком профессиональном уровне есть два десятка экспертов действительно высокого класса, отлично разбирающихся в российской действительности. Почти все они сосредоточены в Вашингтоне.

Есть сравнительно большая группа профессоров в хороших, престижных американских университетах, которые тоже очень хорошо знают Россию. Как правило, они меньше следят за текущими политическими процессами в стране, а концентрируются на тех или иных исследовательских проектах, написании книг о России и, естественно, преподавании. Немало преподавателей университетов периодически выбирают Россию, ее историю и политику, культуру или социальные проблемы для своих университетских курсов и специальных семинаров, но полноценными экспертами по России их назвать нельзя.

В свое время, сразу после распада СССР в конце 1991 года, в стане американских советологов сложилась интересная и неожиданная ситуация. Образовались независимое государство Россия и еще как минимум 15 независимых стран, которые сильно отличались друг от друга, – и тут вдруг выяснилось, что при полнейшем обилии советологов в США отсутствуют специалисты конкретно по этим странам. Советологи США изучали тот же Кавказ или Среднюю Азию через призму советской политики, через Москву и, естественно, русский язык. Когда же положение дел полностью изменилось, оказалось, что специали-

¹ Я хотел бы выразить благодарность сотрудникам Center on Global Interests в Вашингтоне Michael Purcell и Olga Kuzmina за замечательную помощь в подготовке материалов для отдельных частей данной книги.

стов-страноведов по странам СНГ просто нет. Включая, как ни парадоксально, Россию, ибо никому на Западе до 1991 года не приходило в голову изучать Россию не как главную часть СССР, а как потенциально самостоятельную страну. Я уж не говорю про, скажем, Азербайджан или Туркменистан, Грузию или Молдову.

Поэтому в те времена начали происходить странные вещи. СССР стал невольно «рас-таскиваться» специалистами по другим регионам и странам. Так, Кавказом отныне занимались специалисты по Турции и Черному морю, Средней Азией – эксперты по «большой Азии» и китаеведы, Украиной, Белоруссией и Молдовой – специалисты по Восточной Европе и т.д. А в самой Америке не оказалось политологов и экспертов по этим странам, да еще со знанием местного языка. Кстати, многие очевидные провалы в американской экспертизе того времени были вызваны отсутствием специалистов, способных работать с вновь образованными странами на их родном языке. Можно сказать, что в этом смысле Америка оказалась не готова к распаду СССР и окончанию холодной войны. Она во многом неожиданно для себя оказалась в регионе, где оказаться не планировала, и стала заниматься такого рода деятельностью, к которой не была готова даже интеллектуально. Позже, замечу в скобках, такая же ситуация сложилась в США в отношении арабских стран, в частности Ирака. Сегодня такое положение дел меняется, но меняется медленно, ибо воспитание нового интеллектуального поколения требует много времени и начинается со школы, университета, новых учебников и новых профессоров. Особенно заметен был рост интереса к России после событий 2014-2015 годов, но и сегодня запрос на экспертизу по России и бывшему СССР совсем другой по масштабу и важности для Америки, чем это было три десятилетия назад...

Но вернемся к традиционным советологам. При всем их высоком профессионализме часто они не знают настолько очевидных вещей о России и ее жизни, что даже меня это иногда ставило в тупик, ибо я не понимал, как можно этого не знать. Конечно, то, чего они не знают, как правило, относится к необязательным для исполнения их профессиональных обязанностей сферам жизни, но, как мне казалось, эти вещи настолько естественны для России, что не знать их как минимум странно. Теперь-то я привык. То же самое, замечу, наблюдается и в России в отношении США.

Многие советологи увлекаются чем-то российским вне своей работы. Я знаю, что некоторые мои коллеги собирают русское искусство и иконы, другие – редкие русские издания литографий, у третьих дома есть потрясающие коллекции старинных русских кукол и т.д. То есть большая часть их жизни так или иначе связана с Россией. Часто в это дело оказываются невольно так или иначе вовлечены их семьи или друзья. В конце концов, Россия, ее культура, история и люди действительно являются магнитами, привлекательными для изучения, объектами для серьезных хобби.

Вторую и третью группу специалистов, занимающихся Россией и странами бывшего СССР, можно назвать, соответственно, специалистами-«не страноведами» и «глобальными системщиками». Первые – это эксперты по проблемам международной политики и безопасности, мировой системы; дипломаты и политические теоретики; специалисты в международном праве и т.д. У них другое образование, другой жизненный путь и другие интересы. Отнюдь не Россия. Они оказались связаны с ней временно – в силу поворота карьеры, профессиональной деятельности, элементарного назначения или случайного перераспределения обязанностей в рамках, скажем, Государственного департамента США или Пентагона. Они не специалисты по России – они специалисты по международным делам и внешней политике США. Честно говоря, трудно сказать, что лучше. С одной стороны, специалисты-русисты знают о России гораздо больше, чем просто профессионалы-международники. Но, с другой стороны, именно поэтому у них больше субъективизма и личного отношения к России и к тому, что в ней происходит. Многие из них все-таки вышли из все той же сове-

тологической шинели и смотрят на Россию как на субъект внешнего воздействия. Зачастую это мешает объективному анализу и хладнокровию при формулировании мнений и выводов.

В свою очередь, профессионалы-международники относятся к России как к «еще одной стране», с которой им надо временно иметь дело на работе. Сегодня они занимаются Россией, а завтра могут работать по проблемам Южно-Африканской Республики, потом на Филиппинах, потом еще где-нибудь. Они более объективны, «холодны», если хотите, и спокойно относятся к идеям превращения России во что-то отличное от того, чем она является на самом деле. Их главный минус, как часто не без основания говорят в России, заключается в том, что они плохо знают страну, с которой сегодня работают, и не учитывают ее национальные особенности. Отчасти это верно. Эти люди хорошо знают теорию и практику, и многие из них верят, что одни и те же инструменты, институты и механизмы будут работать более или менее одинаково в разных странах. Они, как правило, не верят в «исключительность России», ибо их работа давно уже доказала им, что в мире, пожалуй, нет стран и народов, которые не считали бы себя «исключительными и неповторимыми». Если русисты все усложняют, то «не русисты» все упрощают.

Что касается «глобальных системщиков», как я их называю, то они появились позже других – это явление периода после холодной войны. Однако их роль во внешнеполитической аналитике Соединенных Штатов очень быстро растет. Сегодня именно они постепенно вытесняют страноведов и «узких международников» и становятся главной интеллектуальной силой американской внешней политики. Они не изучают отдельные страны или регионы вообще, но занимаются фундаментальным изучением, анализом, прогнозированием и даже моделированием новых глобальных трендов и процессов, а также обеспечивают то, чтобы эти тренды не представляли угрозу Соединенным Штатам, а, напротив, укрепляли их положение и безопасность, влияние на других и возможности на мировой арене. Они все чаще даже рожают и запускают новые тренды и процессы, способные обеспечить дальнейшее лидирующее положение США на глобальной арене. Американские «глобальные системщики» относятся ко всему миру и международным проблемам как к единой и взаимозависимой системе, которая требует постоянного регулирования, управления и контроля в интересах США. Отдельные страны их не интересуют. Могу попробовать предсказать, что именно они, эти «системщики», станут главной интеллектуальной силой американской внешней политики и продолжат подминать под себя страноведов и простых международников, чья роль будет падать. В результате такого подхода внешняя политика США претерпевает существенные изменения, становясь частью какого-то нового тренда.

Например, сегодня все труднее ответить на казавшийся недавно простым вопрос: в чем заключается политика США в отношении России? Ответа можно не получить – потому что у Вашингтона уже как бы и нет политики в отношении именно России. Есть ее отдельные аспекты – военный, экономический, экологический и т.д. А в целом политика США в отношении России уже является частью какого-то глобального тренда, которым Вашингтон пытается управлять в своих интересах. Иначе говоря, внешняя политика США перестает быть политикой по отношению к отдельным странам и регионам, а становится политикой по отношению к тем или иным глобальным процессам и трендам, политикой по отношению не к странам, а к миру в целом. Позже я еще скажу о «системщиках», а сейчас лишь раз замечу, что это серьезная тема, на которую стоит обратить внимание всем, кто связан с внешней политикой в других странах.

Конечно, американцы формируют свое мнение о России не только на основе того, что говорят эксперты-страноведы. В обществе нет настолько глубокого интереса к России. В свое время тут стали периодически проводить опросы с целью выяснить, кто является самым влиятельным русским в Америке – то есть кто из живущих в Америке русских в наибольшей степени влияет на формирование облика и имиджа России в США. Моим наивысшим

«достижением» в этом рейтинге было третье место, которое я занимал два года подряд, один раз, правда, деля его с другим известным экспертом по России. На первых местах всегда были какие-то русские знаменитости, добившиеся успеха в США. Они тоже в значительной степени олицетворяют для американцев Россию.

Однако и от экспертов зависит достаточно много, особенно при формировании мнения элиты США и руководства этой страны. Поэтому я и хочу здесь вспомнить разговор, состоявшийся много лет назад во время одной не очень публичной конференции по России, которая проходила в Вашингтоне. Шла вторая половина 1990-х годов (хотя к сути нашего разговора это отношения, в общем, не имеет). После одного из вечерних заседаний мы, эксперты, в количестве полутора десятков собрались в баре вокруг большого и тяжелого деревянного стола. Среди всех этих замечательных, высокопрофессиональных и, наверное, одних из лучших в мире экспертов-политологов я, по всей видимости, был единственным по-настоящему русским. Разговор, как обычно, зашел о России. И, как обычно, все по очереди начали жаловаться, как она им надоела, как они от нее устали и вообще. Жаловались на прошлую поездку и еще сильнее – на необходимость скоро возвращаться в Москву. Тут же вполне предсказуемо зазвучали много раз мною слышанные страшилки про Шереметьево-2, московских таксистов, про ужасные пробки и дороги в целом, постоянную грязь на улицах, холодные зимы и отсутствие кондиционеров летом, дороговизну и преступность в Москве, так называемый «внутренний Аэрофлот» и т.д. Я к тому времени за годы жизни в Вашингтоне и общения со своими друзьями – американскими политологами слышал такие разговоры многие сотни раз. Все они по несколько раз в год летают в Россию, многие забираются довольно глубоко в провинцию. Немалая их часть также активно интересуется постсоветским пространством и, соответственно, регулярно посещает бывшие советские республики. Могу заверить, что летают эти люди, как правило, не в экономическом классе и останавливаются не в самых дешевых московских отелях. Кстати, замечу, что многое из того, на что жаловались тогда мои коллеги, сегодня исчезло или было исправлено, однако новые проблемы с легкостью заменили старые поводы для жалоб.

Наслушавшись в очередной раз подобных разговоров, я не выдержал и задал всем вопрос, который давно уже меня интересовал, но который я не решался задать своим друзьям, исходя, видимо, из ложно понимаемого чувства такта. Я сказал примерно следующее: «Ребята, я знаю всех вас очень хорошо, некоторых из вас я знаю уже не одно десятилетие. Мы встречаемся постоянно и обсуждаем Россию и ее политику. Мы вместе бываем в России, публикуемся в тех же журналах и вместе иногда пишем книги. Я всех вас глубоко уважаю как высокопрофессиональных специалистов. Но объясните мне одну вещь. Каждый раз, когда мы говорим о России, вы все так много и, в общем-то, достоверно жалуетесь на нее, что у меня давно уже зародилось подозрение, что вы ее, Россию, мягко говоря, недолюбливаете, а то и просто ненавидите. Так ли это? Я не хочу никого из вас обидеть, и, может быть, я неправ, но я хочу услышать ваш ответ».

За столом на какое-то время воцарилось молчание. Потом один из американцев, руководитель довольно крупного центра по изучению России и бывшего СССР, сказал: «Знаешь, Коля... Ты в целом прав. Чего-чего, а любви к России многие из нас не испытывают. И знаешь, почему? На самом деле ответ на твой вопрос не такой уж сложный. Я, например, решил заниматься Россией в молодости, под влиянием русской литературы и разговоров о «загадочной русской душе». Я читал Чехова и Достоевского, Пушкина и Булгакова, Толстого и Пастернака. Я был полон романтизма, и Россия мне казалась, говоря словами Черчилля, «секретом, который завернут в тайну, которая, в свою очередь, завернута в загадку». Я хотел ее разгадать. А приехать к вам тогда было или очень трудно, или вообще нельзя. Но потом я все-таки приехал в Россию, тогда еще СССР, и жил год в Ленинграде. И понял, что это замечательная страна с интересными людьми, но никакой особой загадочности в ней нет.

Был коммунизм, блат и дефицит. Теперь есть авторитаризм, огромная коррупция, национализм и антиамериканизм. Все болезни стран группы догоняющего развития. Есть замечательные люди, есть плохие люди, есть талантливые и бездары. В целом – хорошая и интересная страна. Но ожидания у меня, да и у всех таких, как я, были совсем другого рода. По большому счету, Россия нас – невольно, конечно, – обманула, по крайней мере разочаровала. Конечно, я был молод и глуп, когда делал свой выбор. А теперь мне уже поздно менять специальность и переучиваться».

Сидящие вокруг стола американцы во время этого неожиданного для меня монолога кивали согласно головами или поддакивали своему коллеге, и я понял, что все они более или менее могут подписаться под его словами. Россия для них – страна постоянного разочарования. Ожидания от России всегда были выше, чем ее реальные возможности. Причем немалая вина тут лежит на самой России, народ которой упорно продолжает считать себя «самым справедливым», совершенно исключительным, но страшно недооцененным явлением в мире.

Некий крупный американский политолог из Гарвардского университета всегда говорил мне: «Слушай, Коля. Ну чего ты от нас хочешь, когда даже вы сами утверждаете, что «умом Россию не понять»? Вы то сами чем ее понимаете?» Я в таких случаях обычно отвечаю, что и мы ее не понимаем или понимаем, но не так. И вспоминаю, как когда-то на большой международной конференции, посвященной новому миропорядку, выступал один из наиболее известных сегодня международных мыслителей. Говоря о возможности гармоничного союза России и Китая, который, мол, способен принять антизападные формы, он сказал примерно следующее: «Ну как можно всерьез говорить о союзе таких разных стран и культур! Посмотрите, как по-разному они смотрят на мир. У России всегда остается тот же знаменитый Тютчев, который сказал: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!» Где еще можно увидеть такую любовь к роковым минутам? Кто еще предпочтет жить в периоды революций и переворотов, войн и драматических событий, меняющих этот мир? Только, наверное, русские. А тут вы пытаетесь соединить их с китайцами, вся философия которых выражается в прямо противоположной пословице: «Не дай мне бог родиться в эпоху перемен!» Если и возможен союз между ними, то временный и тактический», – заключил он.

Я вспомнил об этом разговоре и привел его тут не просто так. Америка продолжает играть важную, на мой взгляд, сильно преувеличенную – роль в сознании россиян. Традиционно через сравнения с Америкой они рассматривают свою страну в мире, позиционируют ее, оценивают ее экономические успехи и провалы, действия российского руководства и т.д. Америка – важнейшая реперная точка в российской шкале любых качественных и количественных измерений современного мира. Почему так сложилось и как долго это положение будет сохраняться – вопрос для отдельного обсуждения и большого значения, в общем, не имеет.

Слов нет, россияне многое знают о Соединенных Штатах. Безусловно, намного больше, чем американцы о России. Однако россияне знают об Америке намного меньше, чем они сами полагают, и – надо признать – катастрофически мало для того, чтобы постоянно сравнивать себя с этой страной. Объем информации и новостей из США и про США, доступный в России, просто огромен, но он не переходит в новое качество – не переходит в знание страны. Более того, мне кажется, что в последнее время под очевидным влиянием негативной политической атмосферы качество представлений россиян об Америке падает. Как, впрочем, и качество информации о России, которой обладают американцы. С обеих сторон все чаще идут в ход стереотипы и неуместные упрощения, искусственные клише и намеренные искажения. Но Россия в сознании американцев, особенно поколения, выросшего после холодной войны, не играет значимой роли. Она воспринимается как страна, представляющая интерес сугубо для экспертов и страноведов. В России же Америка до сих пор остается

внутренним массовым общественным феноменом, поэтому качество знаний об этой стране является, на мой взгляд, принципиально важным. Если, конечно, не использовать данный феномен лишь в пропагандистских целях.

Книга, которую вы держите в руках, – третья в серии моих книг о Соединенных Штатах Америки. Все они вышли в издательстве «Эксмо». В первой книге «Америка. Живут же люди!» речь шла о рядовых американцах, их ежедневном быте и образе жизни, нравах и привычках, радостях и печалях, семьях и карьерах. О том, как рождается, растет, взрослеет, работает, стареет и умирает средний американец. Во второй книге «Америка: исчадие рая» я пытался рассказать о Соединенных Штатах как о стране, живущей своей собственной внутренней жизнью, об особенностях американского бытия, сильных и слабых сторонах ежедневной круговерти, о праздниках и буднях самой богатой и влиятельной на сегодня страны на нашей планете. Нынешняя книга немного о другом – о том, во что верят американцы, как складывается и функционирует их мышление, как действует их логика принятия решений, какой системы ценностей они придерживаются и как относятся к тем или иным вещам, которые окружают их в этой жизни...

Каждая из этих трех книг имеет свое собственное значение и содержание, каждая является самостоятельной, самоценной отдельной книгой. Но мне хотелось бы, чтобы у читателя сложилось максимально полное, объективное и целостное представление о жизни в США. Поэтому я старался писать так, чтобы каждая из книг теперь дополняла две остальные, так что читать эти три книги про «американскую жизнь» я лично рекомендую вместе, а не разрозненно. Я не ставил задачу сделать читателя «американофилом» или «американофобом», заставить его полюбить или возненавидеть эту страну. Моя задача была гораздо скромнее: дать россиянам возможность узнать Соединенные Штаты как можно лучше, глубже, яснее. Причем не с точки зрения глобальной политики или экономической конкуренции, а с позиции жизни простого, среднего американца.

Впервые выражение «империя свободы», использовал по отношению к США будущий президент, а тогда еще губернатор штата Вирджиния Томас Джефферсон. Джефферсон употребил фразу «империя свободы» 25 декабря 1780 г. в письме герою войны за независимость США и, кстати, брату знаменитого путешественника Уильяма Кларка (из экспедиции Льюиса и Кларка) Джорджу Роджерсу Кларку. В этом письме Джефферсон, в частности, говорил о своем намерении создать разного рода барьеры, препятствующие дальнейшему расширению Британской империи в Северной Америке (в том числе через Британскую Канаду), а также о желании присоединить к «империи свободы» обширные и малозаселенные пространства. Джефферсон считал, что того, чтобы выжить, новая «империя» должна расширяться на запад, простираясь по всему американскому континенту. Достижению этой цели способствовала, в частности, Луизианская покупка 1803 г., увеличившая территорию американской республики почти в два раза. Но Джефферсон отнюдь не считал, что «империя» должна обязательно иметь единую политическую государственную основу, хотя это было бы для него предпочтительней. По его словам, могли даже существовать две конфедерации – западная и восточная. Трудно сегодня сказать, какой смысл вкладывал тогда сам Джефферсон в это словосочетание, тем не менее его фраза сыграла свою роль в самосознании американцев, о чем, в частности, я буду говорить в этой книге.

В истории американской внешней политики идея «империи свободы» способствовала принятию решений об участии страны в Испано-американской войне 1898 г. (в ходе которой США заняли принадлежавшие Испании с XVI века Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины), Первой и Второй мировых войнах, холодной войне, а с 2001 года и в войне против терроризма. Среди главных сторонников этой концепции США как «империи свободы» было немало американских лидеров разных периодов, в том числе Авраам Линкольн, Теодор Рузвельт, Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт, Гарри Трумэн, Рональд Рейган, Билл Клинтон и Джордж

Буш-младший, и т.д. Даже Доктрина Монро 1823 г., провозглашавшая американский континент зоной, закрытой для вмешательства европейских держав, также исходила из этого же джефферсоновского постулата. Правда, Доктрина Монро, о чем сегодня многие не помнят, одновременно провозглашала отказ США от вмешательства в дела европейских стран или их колоний.

Сами американцы, конечно, всегда смотрели на свою страну как на «территорию личной свободы». Постепенно и значительная часть населения Земли стала смотреть на Соединенные Штаты как на страну, так или иначе, но символизирующую свободу. Как известно, такой взгляд на Америку приобретал и расширял свою популярность в мире вплоть до последнего десятилетия прошлого века. После чего, как показывают многочисленные опросы, он стал стремительно и массово отвергаться, а Соединенные Штаты начали быстро терять свою привлекательность и моральную силу. Более того, в своей внешней политике они стали все чаще и чаще превращаться в противоположность характеристике, данной в свое время им Джефферсоном. Да и внутри страны нарастающие новые и нерешенные старые проблемы и противоречия не позволяли говорить о свободе без серьезной натяжки.

В самой Америке словосочетание «империя свободы» никогда толком не использовалось ни в политической риторике или документах, ни в речах национальных лидеров или, скажем, предвыборных дебатах. Оно не стало популярным и массовым стереотипом. Те простые американцы, кто мыслил в русле этого понятия, как правило, делали это в основном лишь в отношении внутренней политики и внутреннего устройства США. Не секрет, что подавляющее большинство американцев считает – с определенными исключениями, конечно, – свою страну самой свободной страной на Земле. Но и спорить, что у них есть для этого определенные основания, особенно не приходится. Другое дело – внешняя политика США. Здесь единства не было и тем более нет сейчас – глобалисты и изоляционисты в Америке были всегда.

С одной стороны, прямых противников идеи американской «империи свободы» в США никогда не было и нет. Однако не секрет, что было и есть довольно много влиятельных политиков и мыслителей США, категорически не согласных с идеей территориального расширения или американского вмешательства в чужие дела. Не согласных с концепцией «продвижения демократии», тем более с помощью военной силы. Наиболее известным в истории изоляционистом был, конечно же, первый президент США Джордж Вашингтон, который в своем прощальном письме американскому народу в 1796 г. заранее предостерег против вмешательства в иностранные события, особенно в далекой Европе. В 20-м веке, например, группа сенаторов, названная «непримиримыми», препятствовала ратификации Версальского договора, обязывающего США идти на помощь другим странам. В 1930-х годах Конгресс США принял так называемые Акты нейтралитета с целью избежать вмешательства во Вторую мировую войну. Сегодня многие современные левые мыслители, например Ноам Хомский, начали использовать термин «американская империя» в отрицательном смысле. В 2011 году известная писательница пуэрто-риканского происхождения Джаннина Браски в своей повести «Соединенные Штаты Банана» назвала теракты 11 сентября 2001 года моментом краха американской империи и ее колониального управления Пуэрто-Рико. Примеров такого рода можно привести еще немало.

Слов нет, конечно, вряд ли кто-то сегодня считает Соединенные Штаты «империей свободы» в изначальном джефферсоновском смысле. В одних случаях американские реалии сильно потеснили традиционные американские идеалы, в других – эти идеалы вообще оказались заменены новыми, компромиссными и ревизионистскими ценностями... Современная Америка – удивительное сочетание разного рода высоких ценностей и блестящих идей, вульгарных стереотипов и провинциальных убеждений, широких и не очень широких взгля-

дов, психологических комплексов, к которым в последнее время прибавились и определенные фобии».

Я прожил в США уже почти три десятилетия, однако, работая над этими тремя книгами, я продолжал сам изучать эту страну, а она опять и опять открывала мне все новые, неизвестные мне стороны и качества. Процесс, на мой взгляд, очень увлекательный, поучительный и, видимо, бесконечный.

В одной из своих предыдущих книг об Америке я уже писал об этом феномене: чем дольше ты живешь в стране, в которой не родился, а приехал туда взрослым и сложившимся человеком, тем больше осознаешь, как трудно полностью, глубоко и относительно объективно разобраться в ней, в людях, ее населяющих, их взглядах, логике мышления и поведения.

Только сначала все кажется легким и понятным, особенно если у тебя нет проблем с языком и ты уже освоил все технические, правовые и чисто бытовые отличия этой страны от той, откуда ты приехал. Но чем дольше ты живешь в чужой стране, тем более многоликой, сложной и противоречивой предстает она перед тобой. С каждым прожитым на новом месте годом неизбежно приходит более глубокое понимание людей, среди которых ты теперь живешь, логики их мышления, истории формирования национального характера, системы ценностей и идеалов, жизненных целей и приоритетов. Конечно, знаменитое есенинское утверждение «Лицом к лицу лица не увидать. / Большое видится на расстоянье» – справедливо. Однако справедливо лишь частично. Кроме расстояния, для того чтобы увидеть нечто большое, нужно еще время. Много времени. Особенно когда имеешь дело с огромной и разнообразной страной, ее сложным и очень неоднородным народом, который уже прошел в своем развитии сравнительно длинный и противоречивый путь, пережил разного рода катаклизмы и исторические переломы и многого достиг. Будь то Россия, США, Китай или, скажем, Индия.

Я уже давно с иронией отношусь к тому, что написано об Америке (или, скажем, о России) «знатоками» этих стран, которые не только не прожили в них хотя бы несколько лет, но иногда даже не владеют их основными языками. На мой личный взгляд, нет ничего хуже журналиста или «эксперта», который делает выводы и заключения на основе нескольких коротких поездок в ту или иную страну (зачастую, кстати, туристических), разговоров с отдельными ее гражданами – пусть даже и авторитетными – и чтения переводных материалов. Грош цена таким писаниям. Это не информация и не аналитика, а откровенная дезинформация, хотя часто неосознанная, искренняя и сделанная из добрых побуждений. Нет ничего хуже малоинформированного журналиста или «эксперта», который при этом сам не осознает ограниченности собственных знаний о предмете, о котором взялся писать или говорить.

К сожалению, в современном мире таких стало слишком много. Отчасти это следствие развития Интернета и социальных сетей, отчасти – открытия бывших советских границ и расширения возможностей для многих людей свободно ездить по миру, отчасти – снижения общих журналистских и экспертных стандартов качества. Как результат, мы живем в мире, где не составляет труда назваться экспертом, политологом, журналистом, обозревателем, страноведом и т.д. Иными словами, мы оказались в мире непрофессионалов, в мире разного рода дилетантов, которые быстро – порой даже просто своей массой – вытесняют настоящих профессионалов в тех или иных областях и начинают играть там главную роль, будь то Америка, Россия, Европа, мировая политика, история, футбол, медицина, педагогика и т.д. Как говорится, чем меньше знаешь, тем больше твои знания кажутся тебе абсолютными. А чем больше знаешь – тем больше сомнений у тебя возникает, тем в меньшей степени мир кажется черно-белым и тем меньше у тебя желания назвать себя экспертом...

Я могу честно повторить: прожив в США больше четверти века, построив здесь вполне успешную карьеру и вполне благополучную жизнь, женившись и разведясь, воспитав детей и написав об этой стране очень много, я все еще нахожусь в процессе ее постоянного познания. Конечно, я все-таки знаю Россию лучше, чем США. В России я родился, вырос, получил образование, провел значительную часть своей сознательной жизни, сформировался как личность. Это моя Родина, я – русский по национальности, языку и культуре. Я бы даже сказал, что я – настоящий советский русский, ибо по крови я наполовину украинец: папа у меня русский из Рязани, мама – украинка из Донбасса. Я же родился в Москве. Вот такая национальная классика советского периода.

Я и сейчас практически половину своей жизни провожу в России. Но вторую половину времени я живу и работаю в Америке. Я очень благодарен этой стране за то, что она открыла мне свои двери, дала мне возможность жить так, как я хочу, и профессионально реализовать себя, не требуя при этом ничего взамен. Я отношу себя к той (к сожалению, очень малочисленной) группе людей, которые любят и Америку, и Россию. Это две родные для меня страны. Я принципиально считаю, что две главные страны XX века, если они хотят сохранить ведущие позиции в мире, обязаны сотрудничать, быть друзьями, партнерами и союзниками по самому широкому кругу вопросов, включая наступающий новый непростой миропорядок. Иначе обе они неизбежно политически и экономически «потеряются» в новом мире, а ценности, которые им дороги и которым они стараются следовать, рано или поздно станут маргинальными ценностями, ценностями меньшинств. Я переживаю за обе страны. Меня очень задевает, когда в США зачастую несправедливо и малограмотно пишут о России, и пытаюсь этому всячески противостоять. Но поверьте мне, в Америке антироссийские настроения неглубоки, ограничены небольшой группой в политическом классе США и совсем не носят массового, общенационального характера. С другой стороны, мне очень неприятен, даже противен тот мощный вал антиамериканизма, который сегодня накрыл Россию с головой. Причем видно, что он не только стимулируется сверху, но и в немалой степени заразил миллионы простых россиян, вольно или невольно ставших проводниками, энтузиастами и даже зачастую инициаторами антиамериканских настроений. Антиамериканизм в современной России стал устойчивой частью политической культуры страны. Преодолеть его будет нелегко, и понятно, что не от Америки это зависит.

Я отлично понимаю, что США и Россия сильно отличаются друг от друга. У них разная история, разная культура, разная национальная психология и менталитет. Однако, на мой взгляд, это та самая разница, которая не способна превратить их в антагонистов, но может создать очень привлекательный «букет» характеристик, гораздо более привлекательный, чем будут способны предложить их потенциальные конкуренты и противники. Но сегодня этого, к сожалению, не происходит. Две страны не слышат и не хотят слышать друг друга, предпочитая подпитывать амбиции своих политических элит, успешно делающих карьеры на взаимном противостоянии. Я являюсь противником такого подхода к российско-американским отношениям и считаю, что он серьезно вредит обеим странам, а главное – их народам. Поэтому я и пишу свои книги.

Личное вступление в тему книги

Меня часто спрашивают о том, что мне нравится в Америке. На этот вопрос нельзя дать полноценный ответ и закрыть, что называется, тему. Мне нравится в Америке очень многое – начиная с американской демократии и свободы, деловитости и рационализма, бесконечной энергии и потрясающего чувства креативности, просто разлитого в американском обществе. Мне очень импонирует американский оптимизм и нацеленность на будущее, традиционный расчет на собственные силы и – в случае неудачи – обида лишь на самого себя. Мне нравится независимость и самостоятельность простого американца, его уверенность в собственных силах и его наивное желание «сделать всем хорошо» – которое, к сожалению, часто приводит к обратным последствиям. Мне нравятся сами американцы с их открытой душой и характером, гостеприимством и прямоотой. Мне симпатична их приверженность конкуренции во всем и отвращение к монополии. Мне нравятся, как они воспитывают детей, мне нравятся американские школы и очень надежная и быстрая почтовая связь, короткие и простые правила вождения автомобиля и действующие сугубо по инструкции дорожные полицейские (учитывая, конечно, что я не афроамериканец). Мне нравится, что здесь нельзя просто так запарковаться на тротуаре или любой обочине дороги. Нравится, что все машины дисциплинированно двигаются по своим полосам и не стремятся опередить друг друга, подрезать или поехать первыми на нерегулируемом перекрестке. Кстати, так все, оказывается, едут быстрее.

Не буду скрывать – мне нравятся размеры порций в американских ресторанах и невысокие цены в них. Мне нравятся американские пригороды больших городов и просторные парковки, которые всегда оказываются в нужных местах. Мне нравится, как американцы убирают улицы и газоны после своих собак, и простая система возврата товаров в магазины. Мне нравится, что во всех американских публичных туалетах, а не только в женских, есть пеленальные столики для ухода за младенцами. Мне нравится внутреннее устройство страны и то, что самая значительная часть власти – внизу, близко к людям. Нравится, что система все «помнит» за тебя – она напоминает о визите к врачу, о том, что твое лекарство скоро закончится и в аптеке тебя ждет новый пузырек с нужными таблетками, что банк уже выслал тебе новые кредитные карточки вместо тех, срок которых истекает через пару месяцев, что пора сделать прививки или привезти автомобиль на техобслуживание. Мне нравится, что можно списывать часть налогов и получать от правительства возврат в случае переплаты и т. д. . .

Мне нравится, что американцы в массе своей не любят говорить о деньгах – и своих, и чужих – ни в каком виде. Зарплата и стоимость аренды, цена образования и долги перед банком, размер премии и стоимость поездки – все эти темы для большинства из них являются грубым нарушением этикета. Меня прельщает американская традиция «личного пространства», отвергающая объятия или поцелуи для всех, кроме близких членов семьи. Американцы при встрече пожимают руки, а не изображают в европейском стиле поцелуи в щеку. Причем женщины пожимают руки не мягче, чем мужчины. Мне нравится, что американцы не делают из обмена визитными карточками «священную процедуру», как это бывает во многих других странах. Мне очень нравится, что эта страна позволяет всем быть самими собой.

Мне нравится американская привычка улыбаться всем встречным людям и пытаться установить зрительный контакт – смотреть на кого-то с индифферентным выражением лица не принято, это может быть воспринято как знак недружелюбия, а то и агрессивности. Мне нравится, что американцы все время обмениваются короткими разговорами «ни о чем» со всеми – продавцами и водителями, официантами и случайными соседями в магазине или

самолете. Мне нравится, что люди в таких ситуациях шутят и легко говорят о простых вещах – погоде и семье, здоровье и спорте, но никогда не загружают случайного собеседника разговорами о смысле жизни или, не дай бог, внешней политике. Мне очень нравится, что американцы не боятся пробовать все новое – иностранную (особенно острую) еду и гаджеты, автомобили и напитки... Кстати, не попробовать острую еду в американской компании считается признаком трусости. И мне очень нравится, что при этом они полностью доверяют вещам, сделанным и продаваемым именно в США, и вообще никогда не лезут смотреть этикетку, чтобы проверить, где это было «made in...».

Мне нравится, что американские женщины все время делают друг другу маленькие комплименты по поводу одежды или внешнего вида, прически или новых туфель. Этакая женская солидарность, что ли. С другой стороны, мне нравится, что в США совершенно неприемлемо выражать озабоченность чьим-то усталым или больным видом. Мне нравится, что, как и россияне, американцы нормально переносят холод и даже сквозняки, что они любят сидеть на земле, а маленькие дети в детских садах и яслях сидят на полу, что американцы в прохладную даже по моим меркам погоду запросто надевают футболки и сандалии, в то время как иностранцы в Америке кутаются в свитеры и шарфы. Мне симпатична американская традиция не комментировать чей-то вес и не поздравлять женщин с тем, что они похудели, если только они публично не ставили такой цели. Потеря веса ведь часто может быть связана с какой-то болезнью, например булимией или анорексией... Мне нравится, что в Америке любые напитки можно получить в холодном виде и со льдом – иностранцев тут легко узнать по тому, как они заказывают горячий чай в ресторанах.

Мне нравится, что американские девушки не требуют многого от своих кавалеров на нескольких первых свиданиях. Они стараются не выглядеть слишком агрессивными или ищущими партнеров, не принимают на этом этапе подарков даже в виде цветов или мелких сувениров. Другими словами, мне нравится, что все новые потенциально романтические знакомства американцы начинают неспешно, размеренно, оставляя другому человеку много свободного места и времени. Мне нравится, что развод в США обязательно проходит через длительный период полностью раздельной жизни – от полугода до года, – прежде чем станет окончательным. Мне нравится, что Америка – страна очень этнически разнообразная и люди чувствуют себя свободно в выражении своих привязанностей, от моды до способа времяпрепровождения. Мне нравится американская автомобильная свобода и качественные дороги даже в глубокой провинции страны.

Отдельно должен сказать, что мне очень нравится, что Америка – страна почти полного отсутствия пафоса и гламура. Если они там и есть, то их носителями будут иностранцы и иммигранты. Мне нравится, что американцы не критикуют своих коллег или подчиненных публично, перед лицом других коллег или на рабочем месте. Начальники всегда и всюду делают выговоры подчиненным в конфиденциальной форме, а любые трудовые разногласия должны быть отрегулированы в частном порядке. Мне нравится, что на работе тут говорят только о работе, а не о личных делах. Начальники не могут отпускать в адрес своих подчиненных комментарии, касающиеся, скажем, их внешнего вида, здоровья или личной жизни... Мне очень нравится, что здесь неприемлемо во время совместного обеда в ресторане или кафе класть рядом со своей тарелкой телефон и тем более уходить в виртуальное пространство для проверки сообщений или количества лайков. И еще очень-очень многое мне нравится в Америке и американцах...

Но мне также очень многое не нравится в Америке, и я об этом также пишу в этой книге. Так, мне не нравится то, что американцы до сих пор не пользуются метрической системой мер, количество лекарств и процедур, которые прописывают американские врачи, и дикий объем рекламы еды и лекарств на экране телевизора. Мне не нравятся короткие американские отпуска, постоянная тревога о личной кредитной истории и фанатичный трудово-

лизм среднего американца. Мне не нравится американская уверенность во всем и слишком уж постоянная жизнерадостность, заикленность на здоровом образе жизни в сочетании с неимоверным количеством толстых людей, которых я вижу каждый день на улицах американских городов.

Мне очень не нравится американская внешняя политика и то, что средний американец не обращает на нее особого внимания. Мне не нравятся высокие штрафы в США и количество сахара, которое американцы кладут почти во все продукты. Мне не нравится слишком прямо понимаемая политкорректность и американская страсть к сопроводительным письмам, постоянному переписыванию и рассылке своего резюме и формализации простого человеческого общения. Мне не очень нравится американская привычка все планировать на годы вперед и постоянно сверяться с этими планами. Мне не нравится, что традиционный футбол воспринимается многими американцами как вид спорта для девочек-школьниц...

Мне совершенно не симпатична американская традиция приносить с собой пищу и есть практически везде – от рабочего места до школьного класса, от медицинского офиса до модного магазина. Иногда создается такое впечатление, что американцы рождаются со стаканчиком кофе и сэндвичем (гамбургером) в руках. Меня также не привлекает американская привычка есть руками многие виды пищи – пицца и сэндвичи, гамбургеры и чипсы, разного рода мексиканские, африканские и азиатские блюда поедаются без столовых приборов. Мне очень не нравятся проявления расизма в США, хотя я за четверть века жизни в этой стране ни разу не сталкивался с ними лично. Меня категорически не устраивает то, что американские власти идут на нарушение Конституции и устраивают, скажем, массовые прослушки телефонов.

Мне не очень нравится, что на большей части территории США нельзя носить меховые вещи, так как на тебя в лучшем случае будут смотреть косо и непристеливо. Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что американские женщины одеваются подчеркнуто скромно и по-деловому, а любую иностранку сразу видно в толпе. Мне очень не нравится так называемый американский стиль мужской стрижки, с которым ходит как минимум каждый третий американец. Мне не нравится, что критику их работы и ее результатов американцы воспринимают очень лично: критиковать чью-либо работу в США значит критиковать его самого. Мне не очень нравится, что отношения подчиненных и начальников весьма формализованы и совершенно не допускают дружеских проявлений. Мне очень не нравится качество дорожного покрытия в Вашингтоне и Нью-Йорке. Я не понимаю, почему в столице самой богатой страны мира такое убогое метро.

Список того, что я люблю и не люблю в Америке, можно, наверное, продолжать бесконечно. Часть того, что я перечислил выше, – проявление бытовой культуры или отголоски прошлого, времени, когда исторически формировалась эта страна. Однако за всеми этими проявлениями так или иначе стоит фундаментальная, глубокая и очень замысловатая система ценностей. Если хотите, того, что в последнее время в России стали называть словом «скрепы». О некоторых из них, наиболее, на мой взгляд, фундаментальных, я и буду говорить в этой книге. Конечно, Америка – не рай земной и тем более не ад. Это большая, очень сложная и разнообразная, многоликая страна с замечательным, открытым и трудолюбивым народом. Которая, повторю, во многих своих аспектах сильно отличается от России.

Когда я начинал работу над этой книгой, я спрашивал у довольно большого числа американцев, во что они сами верят. Точнее, во что, по их личному мнению, верит большинство граждан этой страны. Я упорно задавал этот вопрос разным людям – профессорам и политикам, таксистам и врачам, офисным работникам и бездомным, журналистам и программистам, адвокатам и спортсменам, полицейским и дипломатам, заводским рабочим и менеджерам магазинов... Конечно, мой опрос не имел никакой научной основы и ни в коей мере не является репрезентативным социологическим материалом. Мне было просто интересно

послушать мнение самых разных, часто просто случайных, незнакомых американцев о том, что они думают по этому поводу.

К некоторому моему удивлению, многочисленные ответы, которые я собрал за несколько месяцев, уложились в основном в несколько простых пунктов. Так, по мнению моих невольных респондентов, американцы более всего верят в индивидуализм и личную ответственность человека за все, что случается в его жизни. Каждый отвечает за себя. Я также увидел, что большинство опрошенных мною американцев верят в «американскую мечту», то есть в то, что каждый может преуспеть, если приложит достаточно много сил и умения для этого. Кто не преуспел – тот не преуспел по одной простой причине: не старался достаточно сильно, упорно и последовательно.

Американцы фанатично верят в личную свободу и независимость. В персональную свободу добиться успеха и в персональную свободу успеха не добиваться. В свое право работать ради хорошей жизни и в свое право не работать, а жить, если хотите, бомжом. Общество в США не несет никакой ответственности за успех или провал того или иного отдельного американца или даже части американского общества. Однако – как добавляло большинство моих собеседников – человек обязан помогать и поддерживать тех, кто не достиг успеха и находится в тяжелой жизненной ситуации. Но делать это надо не напрямую, а через всякого рода фонды, пожертвования, религиозные и другие организации гражданского общества.

Американцы верят в то, что счастье и преуспевание в жизни связаны с материальными богатствами, а отнюдь не сводятся к душевному комфорту и спокойствию, хотя это тоже немаловажно. Конечно, материальные блага – не единственное условие счастливой и благополучной жизни, но это обязательное ее условие. Тут не должно быть никакого лицемерия. Хороший дом и хорошая высокооплачиваемая работа, качественная еда и чистый воздух, хорошая медицина и эффективные лекарства, чистая питьевая вода и обеспеченная старость, хорошие дороги и разнообразные развлечения – все это является условием счастливой жизни.

Однако, например, хорошее образование многими американцами не считается совершенно обязательным условием счастья. Тут важнее качественная работа и настойчивость, настойчивость, настойчивость... Плюс вера в свои силы и большое трудолюбие. При этом образование тоже крайне важно: американцы верят, что почти каждого можно научить делать хорошо почти любую работу, но образование дает гибкость и мобильность, что гораздо важнее, чем привязка к одному-единственному, пусть и любимому делу в жизни. Образование дает свободу и повышает конкурентоспособность человека. А это уже важное условие жизненного успеха и, соответственно, счастья. И, конечно, семья.

Судите теперь сами, насколько сильно в своих жизненных постулатах американцы отличаются от россиян. Какие ответы на мои вопросы дали бы последние? Надо признать, что американцы все же плохо знают Россию. В советские времена СССР был главным военно-политическим врагом США. Он также был, безусловно, глубоко суверенным государством, на политику которого Запад, тем более США, могли оказывать лишь микроскопическое влияние. Между Америкой и СССР шла непримиримая идеологическая война, однако парадокс заключался в том, что простые американцы относились с большой симпатией к простым советским гражданам, справедливо или нет считая их жертвами коммунистического строя. Отношение американцев к власти в СССР не распространялось на граждан этой страны.

После распада СССР, как мы все помним, наступил период политической эйфории и романтизма, когда казалось, что две главные страны прошлого века станут ближайшими стратегическими союзниками, а их системы ценностей неизбежно дополнят и обогатят одна другую. Но этого не произошло. Взаимоотношения между двумя странами постепенно начали напоминать американские горки с их стремительными взлетами и неожиданными

падениями. Со временем стало очевидно, что двум странам будет очень нелегко достичь стратегического союза. Но отношение простых американцев к россиянам, как показывали все без исключения опросы того времени, продолжало оставаться неизменно положительным, дружеским и доброжелательным.

Сегодня Россия и США находятся в фазе идейно-политического и отчасти военного противостояния. Они воспринимают друг друга как угрозу и вызов, видят мир по-разному. Это выглядит как возвращение к ситуации холодной войны, хотя, конечно, такой вывод носит чисто внешний, неглубокий характер. О новой холодной войне речь не идет, хотя для поверхностного наблюдателя ситуация может показаться схожей. Различий много, и одно из них, в частности, заключается в том, что именно в последние годы, как показывают опросы, простые американцы начинают все хуже относиться к простым россиянам. Хуже, чем даже в период самого острого противостояния холодной войны. Это, на мой взгляд, очень тревожная тенденция. Россияне, как известно, тоже оценивают американцев (мы здесь специально не говорим об отношении к политике и власти) существенно ниже, чем раньше. Причины этих трендов требуют своего серьезного исследования, однако сама их направленность не может не волновать. Подобная ситуация складывается чуть ли не впервые в истории взаимоотношений двух стран, и пока не очень понятно, к чему она приведет.

В американском обществе есть, конечно, устойчивые стереотипы, касающиеся России и ее граждан, которые переживают любые политические перемены. Слов нет, великая русская культура оказала большое воздействие на Соединенные Штаты, а совместная борьба против фашизма в годы Второй мировой войны показала американцам героическую, самоотверженную природу русского характера. Однако есть много более поверхностных стереотипов, прижившихся в общественном сознании американцев. То, что американцы верят, будто по улицам российских городов бродят многочисленные медведи, жители играют на гармошках и обмениваются матрешками, является, скорее, российским стереотипом в отношении того, как думают о России иностранцы. Но американцы, например, считают, что россияне могут выпить почти неограниченное количество водки и чая, очень часто едят борщ и пельмени, но в целом еда в России безвкусная и русские не любят острую пищу. Россияне, по мнению американцев, – нация, очень хорошо приспособленная к экстремальным ситуациям, от холода до голода. Россияне-мужчины в массовых представлениях американцев постоянно выпивают и не очень любят работать, однако они решительны, смелы, не боятся вступить в драку по малейшему поводу, при этом сильны в математике, физике и шахматах. В семье они, как правило, деспоты, в жизни – «крепкие орешки».

Россиянки в американских стереотипах обычно высокие и худощавые, красивые и элегантные. Другими словами, почти все они поголовно как бы балерины и модели. Но только до определенного возраста – ближе к сорока годам они, по мнению американцев, магическим образом быстро превращаются в русских «теток» и «бабушек». Кстати, бабушки являются еще одним популярным символом России. Они подметают улицы и охраняют музеи, дежурят в метро и моют полы в учреждениях... Впрочем, о бабушках я еще скажу в этой книге. Россиянки в глазах американцев выглядят более женственными, чем американки. Они постоянно ходят на высоких каблуках, в сексуальной одежде и с большим количеством косметики на лице, но при этом имеют хорошие способности и навыки и могут решать математические головоломки, шить себе одежду, чинить трубы и варить борщ. Однако в молодости все они без исключения представляют себя принцессами и ждут «принцев», которые возьмут их на финансовое обеспечение, чтобы освободить от работы и обеспечить гламурную жизнь.

Этот список стереотипов можно продолжать еще долго. Судите сами, насколько подобные представления отвечают реальности, а насколько они ложны. Надо признать, что мно-

гие из них были сформированы как средствами массовой информации, так и индустрией развлечений, причем обеих стран.

В российском обществе бытует намного больше стереотипов, касающихся Соединенных Штатов и американского общества. Я отнюдь не собираюсь заниматься их разоблачением. Разоблачать стереотипы – вещь неблагодарная и неэффективная, так как всегда можно найти пример или случай, который обязательно подтвердит тот или иной стереотип. Главный путь преодоления стереотипного восприятия России, Америки, любой другой страны, народа и т.д. состоит в том, чтобы дать людям возможность получить как можно больше информации об объекте, чтобы они смогли сформировать свое собственное, а не навязанное кем-то или чем-то представление. Именно для этого я написал еще одну книгу про Америку. И именно поэтому сразу предупредил, что она отражает, по крайней мере в некоторых вопросах, мою личную позицию и оценку. Выводы и представления читателям предстоит делать самим. Моя задача заключается в том, чтобы предоставить для таких выводов максимально возможный объем честной и адекватной информации.

Как я упомянул выше, очень многие американцы в легком дружеском или полудружеском общении придерживаются распространенных в США табу на темы светских бесед: религия, заработок и деньги вообще, здоровье и политика. Религия, деньги и здоровье относятся к тем аспектам сугубо частной, личной жизни, которые большинство американцев стараются не обсуждать вне семьи. К политике, правительству, «власти как таковой» американцы относятся как к неизбежному злу и стараются максимально оградить свою жизнь от них. В том числе и в своих социальных контактах. Как я уже писал в одной из своих книг про США, американцы считают, что лучшая власть – это та, которую вообще не видно, а лучшее правительство – это самое по возможности маленькое правительство, которое занимается какими-то своими делами и не лезет в частную жизнь. «Я плачу налоги. Что ей – власти – еще от меня надо?» – любят говорить американцы.

Поэтому давайте опять попробуем говорить про Америку без политики, по крайней мере когда в этом нет необходимости. Конечно, в данной книге полностью это не удастся – здесь будет гораздо больше политики, чем в предыдущих книгах. Однако хотелось бы, чтобы за внешней политикой США, которую в мире все видят и оценивают по-разному, читатели смогли разглядеть миллионы американцев со своими взглядами, ценностями, мечтами и намерениями, удачами, жизненными проблемами и разочарованиями. Америка – очень живая страна, и живет она отнюдь не ради внешней политики, не ради мировой гегемонии или конфронтации с кем-то. Она живет своими внутренними интересами, стараясь обеспечить максимально благоустроенную, благополучную, безопасную жизнь своим гражданам. Подавляющему большинству которых – повторюсь – внешняя политика собственной страны глубоко безразлична. Америка – откровенная «страна-интроверт», смотрящая почти исключительно внутрь себя. Поэтому ей, в частности, трудно найти взаимопонимание с Россией, которая является не менее откровенным экстравертом, обращенным в мир. Российские и американские системы ценностей значительно отличаются друг от друга, что делает взаимное понимание еще более трудным.

Скажу честно, я не ожидал, что первые две книги – «Америка. Живут же люди!» и «Америка: исчадие рая» – станут столь популярными, вызовут такой большой интерес и внимание со стороны читателей разных стран мира. Надеюсь, что третья книга станет достойным продолжением первых двух. В каждой книге я делал особый упор на те или иные аспекты жизни американцев, стараясь не затрагивать политику больше, чем необходимо для понимания этой их жизни. Попробую сохранить сложившуюся традицию и сейчас, хотя понимаю, что сделать это будет гораздо сложнее. Оно и понятно – в нынешней книге речь пойдет о том, во что верят американцы, как формируются их ценности и что они собой пред-

ставляют, как и почему получилось, что именно так американцы смотрят на себя и свою страну, окружающий мир и т.д.

Иными словами, речь пойдет о тех или иных аспектах национальной культуры и национального характера, о стереотипах, разного рода религиозных и нерелигиозных «символах веры», об убеждениях и стереотипах. Действительно, почему американцы такие, какие они есть? Почему они отличаются от россиян? Конечно, все мы «родом из детства», но детство у детей из разных стран совершенно разное. Я много писал в предыдущих книгах, особенно в «Америка. Живут же люди!», об американском детстве, американских детях и подростках, о школах и системе школьного и университетского образования. Не буду повторяться. Но сейчас я, в частности, хотел бы поподробнее поговорить о том, кем и как формируется мировоззрение американских школьников, каким именно ценностям и как их учат в общеобразовательной школе, что делает их американцами.

Таким образом, эта книга – не столько об образе жизни американцев, сколько об их образе мысли. И в этом смысле она будет – не может не быть – гораздо более политизированной, чем мне хотелось бы, несравнимо более субъективной и в большей степени отразит мое личное восприятие американского национального характера, системы ценностей, разделяемых большинством американцев, логики их мышления и оценки окружающей действительности. Об этих аспектах американской жизни написано удивительно мало, но, мне кажется, без знания их просто невозможно брать на себя смелость судить о государстве США, его политике и культуре, целях и действиях. Равно как и о простых американцах, об их видении мира и себя в этом мире, их бытовой и политической культуре. Я убежден, что эта книга станет важной частью моей серии книг про жизнь Америки и поможет читателям избавиться от некоторых популярных пропагандистских стереотипов и штампов и лучше понять американцев.

С другой стороны, я подозреваю, что именно эта книга вызовет определенные, возможно, немалые нарекания со стороны моих американских друзей и знакомых. Первые две книги о своей стране они приняли очень хорошо, неожиданно тепло и дружелюбно, хотя я не ставил задачу понравиться именно американцам. Задача заключалась в написании честных книг про США. В самой Америке эти две книги очень хорошо разошлись, вызвали крайне позитивные отклики в главных средствах массовой информации, а я получил немало писем от американских читателей. Главным для меня в опубликованных в США рецензиях и личных письмах было то, что американцы узнали себя в моих книгах, и основные их рекомендации мне были связаны не с критикой, а с разного рода предложениями добавить в переиздания первой или второй книги еще тот или иной аспект их жизни, который, как им казалось, является важным для понимания страны и людей читателями извне. Некоторые из их рекомендаций я счел интересными и добавил в тексты. Но с данной книгой ситуация может обстоять несколько по-другому.

Вообще, какое-то время назад мне казалось, что я уже написал все важное, что надо знать для понимания Америки и ее жителей. Закрыл, что называется, для себя тему. Но оказалось, что это не совсем так. Вернее, совсем не так. Я отнюдь не преувеличиваю, когда говорю, что до сих пор Америка и американцы способны удивить меня (приятно и неприятно), открыться с новой стороны, неожиданно проявить новые черты и особенности. Так случилось и на сей раз – что, собственно, и побудило меня задуматься о написании книги, которую вы держите в руках.

Глава 1. Базовые ценности: законы Божьи и человеческие

Америка религиозная

Что может быть древнее и важнее для истории человечества, чем религия? Вот с нее и начнем. Всем, кто жил в Америке или приезжал туда туристом – но внимательным и наблюдательным туристом, – хорошо известно, что Америка является не просто очень религиозной страной, но страной, где религия играет крайне важную роль в сферах совершенно неожиданных, даже необычных для многих других стран и обществ. А американцы являются людьми, придающими религии очень серьезную, часто – решающую роль в своей обыденной жизни. Хотя обычно это не слишком заметно, особенно если смотреть голливудские боевики, так популярные в России, да и не только в ней. Но вряд ли можно найти еще одну такую страну в мире, где на улицах почти любого города располагалось бы так много религиозных зданий – церквей, синагог, мечетей, молельных домов, буддийских храмов, масонских и других различного рода организаций.

Американцам часто приходится слышать от удивленных туристов: мол, у вас тут, оказывается, чуть ли не каждый второй дом связан с религией! Это в значительной степени противоречит тому, что знают или думают иностранцы об Америке. Противоречит тому выводу, который они делают, исходя из внешней политики Соединенных Штатов. А между тем практически все исследования общественного мнения, проведенные среди американцев, свидетельствуют о том, что именно религия в гораздо большей степени, чем любые другие социальные и экономические характеристики, предопределяет взаимоотношения на работе и в семье, выбор друзей и партнеров по бизнесу, отдыху или совместной жизни. Религиозная принадлежность оказывается сильнее, чем финансовые характеристики, пол, возраст, раса, уровень образования и т.д. Впрочем, это в среднем по стране. Исключения в США иногда составляют почти половину – но об этом я скажу в другом месте...

Как результат, можно уверенно сказать, что США – самая религиозная из всех развитых экономик мира. Разные опросы стабильно показывают, что от 93 до 97 % американцев верят в Бога, а от 63 до 73 % верят в загробную жизнь. Конечно, Бог может быть у всех разным. А уж американские представления о загробной жизни варьируются от традиционных христианских или индуистских до представлений в стиле футурологических передач, научно-фантастических произведений или даже фильмов ужасов. Человеку, мало знакомому с США, трудно представить себе, сколько по тысячам существующих каналов американского телевидения идет одновременно религиозных передач, выступлений проповедников и священников, дискуссий о Боге – или, скажем, исторических документальных фильмов, так или иначе связанных с историей разных религий. Десятки и десятки на любой вкус, возраст, интерес или уровень образования...

Кстати, вопреки распространенному взгляду, согласно которому религиозность в демократических странах приравнивается к социальному консерватизму, в Соединенных Штатах существуют значительные разногласия и противоречия во взглядах среди основных религий США, а также в рамках всей доминирующей христианской религии. Иными словами, религиозность в Америке не является обязательным признаком социального консерватизма. Непонимание этого ведет к серьезным ошибкам в трактовке системы ценностей и ориентиров американцев, да всего американского общества. Например, среди христианских групп в США евангелисты являются преимущественно консерваторами, республиканцами и, как

правило, возражают против признания прав геев. Однако, например, даже среди них существует возрастной разрыв: по вопросу прав геев почти 65 % молодых евангелистов (от 18 до 33 лет) поддерживают однополые браки.

Католики Америки более консервативны, нежели либеральны, но при этом они чаще являются демократами, нежели республиканцами. Между прочим, разобьем еще один стереотип: в США быть консерватором – отнюдь не значит быть республиканцем. Однако, в отличие от евангелистов, большинство католиков поддерживают права геев. Протестанты же из всех основных христианских конфессий наиболее амбивалентны, но они при этом скорее стоят ближе к католикам в том, что, являясь преимущественно консерваторами, в то же время предпочитают поддерживать демократическую партию, а многие из них поддерживают права геев.

В то же время мормоны, например, являются чуть ли не единственной религиозной группой в США с последовательными взглядами – они консервативны по всем вопросам, кроме одного, о котором я упомяну ниже. Сторонники иудаизма, как показывают все опросы, в два раза чаще являются либералами, чем консерваторами, и в три раза чаще являются демократами, чем республиканцами. Они проявляют самую высокую поддержку прав геев среди всех религиозных групп – почти 80 % из них выступает «за».

Мусульмане Америки, как и католики, показывают, что личная религиозная идеология не обязательно выражается в поддержке той или иной политической системы ценностей: в то время как мусульмане лишь немного более либеральны, чем консервативны (на самом деле множество их являются умеренными), они последовательно голосуют за демократов против республиканцев в пропорции почти пять к одному. Они относятся к религиозным группам с наиболее противоречивыми политическими взглядами, к тому же сформированными в значительной степени не событиями внутренней политики США, а их внешней политикой и ситуацией в странах, откуда эти люди приехали в Америку. При этом, хотя 63 % мусульман четко идентифицируют себя с демократическими идеалами и демократической партией, 61 % из них также высказывается против признания прав геев. Низкий уровень поддержки республиканцев среди мусульман связан, естественно, с политикой США после атак 11 сентября 2001 года, а одновременное неприятие прав геев – с их религиозными и культурными нормами. Иными словами, американские мусульмане обладают одной из самых сложных для понимания систем политических и общественных ценностей среди всех религиозных групп в США.

Интересно, что, несмотря на различия в идеологиях и партийных предпочтениях, большинство в каждой религиозной группе поддерживает защиту окружающей среды (что традиционно продвигается демократами), даже если это приводит к увеличению экономических затрат (против чего обычно возражают консерваторы и республиканцы). Таким образом, можно сказать, что Америка разбивает многие существующие сегодня стереотипы о связях религиозных взглядов той или иной группы и ее политических пристрастий. И это не единственный традиционный стереотип, который не работает в Америке...

Парадоксальным образом такая высокая популярность религии в США стала прямым результатом отсутствия в стране какой-либо официальной или полуофициальной религии. Даже во времена, когда в большинстве стран мира государственная, общая или доминирующая религия была исторической реальностью, Америка оставалась и, безусловно, останется в будущем не просто весьма религиозной страной, но и страной максимально широкого религиозного плюрализма. Даже слишком широкого – по мнению многих иностранных наблюдателей.

В свое время, на заре становления американской государственности, отцы-основатели США включили религиозность, в том числе выбор какой-либо конкретной религии, в личные, индивидуальные права человека. Таким образом, они, во-первых, отказались от тради-

ционной европейской концепции, согласно которой религия является выбором всего народа, этноса, общества или, по крайней мере, его большинства. В их глазах та или иная религия не являлась традицией, которую необходимо принимать хотя бы для того, чтобы адаптироваться в обществе, «стать своим». Религия не стала для США позывным «свой – чужой». Более того, отцы-основатели США отвергли идею создания государственной религии в Америке – на тот момент ею, вероятнее всего, мог бы стать протестантизм. Создавая страну, они постановили, что выбор религии – это сугубо личный, индивидуальный выбор человека. И любой такой выбор является приемлемым для американского общества.

Итак, религия в США – это вопрос личной свободы человека. Это очень важно понимать, если вы хотите разобраться в американской системе ценностей. Конечно, и здесь не обошлось без исключений. В США, например, тоже есть запрещенные религиозные секты и группы, однако связано это в основном не с их религиозной направленностью, а с ограничениями на некоторые религиозные традиции, практики и процедуры, установленными в разное время уголовными кодексами разных штатов.

Единственное, что с самого начала было неприемлемо для Америки, так это отказ от религии как таковой. Атеизм в США – не самое, мягко говоря, распространенное явление, хотя, конечно, его сторонники никак не ущемляются государством в правах и не подвергаются общественному осуждению или критике. Однако для многих американцев, особенно провинциальных, атеист – это безбожник, почти настоящий преступник. Американцы никогда не проголосуют за атеиста на выборах. Если у них не будет возможности узнать, не является ли атеистом учитель их детей или местный врач, немало американцев будут чувствовать себя некомфортно, хотя в большинстве случаев никак не выразят своей озабоченности. Верить в Бога, по мнению подавляющего большинства американцев, важно и нужно, однако в любого Бога и в рамках любой формализованной или не очень религии. Вера в Бога для американца является как бы свидетельством наличия у человека определенной системы ценностей и приоритетов, а отказ какой-либо веры говорит об их отсутствии. Значительное число американцев искренне верят, что Библия является изложением слова Божьего, а небольшая их часть – причем независимо от вероисповедания – полагает, что Иисус все-таки был сыном Божиим. Отрицающий это атеист является для американца человеком, как сказали бы сегодня в России, не имеющим совсем никаких моральных скреп.

Интересно, что в основополагающих для американского государства документах практически нет упоминания религии или церкви в политической жизни страны. В Конституции США религия упоминается лишь дважды. Во-первых, в статье VI, где говорится, что *«никогда не будет требоваться принадлежность к какой-либо религии в качестве условия для занятия какой-либо должности или исполнения какой-либо публичной обязанности в Соединенных Штатах»*. Кстати, эта запись была поистине революционной, учитывая не только историческое время, когда принималась Конституция, но и то, что это была Конституция государства, подавляющее большинство жителей которого искренне верили в Бога. Еще один пример настоящей революционности документов, лежащих в основании Соединенных Штатов.

Второй раз религия упоминается в знаменитой Первой поправке к Конституции страны: *«Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное вероисповедание, либо ограничивающих свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб»*. Любой юрист объяснит вам, что это, по сути, провозглашение принципа отделения церкви от государства. Напомню, что шел лишь 1787 год. И это был еще далеко не конец истории законодательного основания Соединенных Штатов. Конституция США, как известно, является самой старой написанной конституцией на планете. Теоретически можно сказать, что древнее ее только Конституция Великобритании, однако последняя

отсутствует как единый документ, представляя собой совокупность разных законов, принятых в разное время.

Как известно, Первая поправка к Конституции США стала частью Билля о правах. Так стали называться первые десять поправок к Конституции Соединенных Штатов Америки, которые гарантируют отдельные личные, персональные неотъемлемые права гражданам страны и, соответственно, очень серьезно лимитируют полномочия любых государственных и правительственных органов. Поправки были предложены будущим четвертым президентом страны Джеймсом Мэдисоном в 1789 году. В том же году Билль о правах был одобрен Конгрессом и ратифицирован штатами в следующие два года. Кстати, инициатором выработки этих поправок стал будущий третий президент США Томас Джефферсон.

Билль о правах, как теперь очевидно всем историкам, сыграл выдающуюся роль не только в формировании американского государства, но и в становлении американской, да и всей современной западной политической культуры. Наверное, это один из самых выдающихся документов в долгой истории человечества. Кстати, забавно, что он был в свое время принят под давлением той части элиты США, которая сама по разным причинам не принимала участия в выработке и принятии Конституции. Эти люди – политики, журналисты, бизнесмены, банкиры и т.д. – доказывали тогда, что основным недостатком только что принятой и весьма революционной для того времени Конституции страны является отсутствие каких-либо гарантий от ущемления прав человека со стороны государства. Для этого, считали они, нужно не просто написать поправку о правах граждан страны, но и перечислить в Конституции эти конкретные права, а также напрямую запретить государству их ограничивать. Иначе, говорили они, если эти «неприкасаемые» права не перечислить, государство, даже самое демократическое, как это всегда было в истории, рано или поздно найдет возможность ограничить права человека, причем под самыми благовидными, патриотическими и оборонительными предлогами. Как они были правы – и в своем первом утверждении, и во втором...

После трагедии 11 сентября 2001 года Америка доказала миру, что под любым благовидным предлогом даже самое демократическое правительство будет пытаться лимитировать любые «неотъемлемые» права человека и гражданина. Напомню, что тогда потрясенная терактами страна дала государственным структурам добро на принятие так называемого Патриотического акта. По мнению многих американских и иностранных наблюдателей, этот акт явился самым серьезным за всю историю США отходом от прав человека, записанных в Конституции страны, то есть самым серьезным, фундаментальным нарушением Конституции. Хотя Верховный суд Соединенных Штатов, как известно, признал обратное. Кстати, принят этот акт был, конечно, под самым замечательным предлогом – усиление безопасности граждан США после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 2001 года. Конечно, для США нарушения Конституции – крайне редкое исключение, в частности, именно потому, что когда-то нашлись очень влиятельные люди, по сути, уговорившие элиту страны впервые в истории человечества записать в Конституцию гарантии конкретных прав человека и заложившие тем самым одну из самых важных политических традиций для последующих веков.

В этом политическом контексте в Америке и появилась идея провозгласить не только всяческие либеральные личные свободы человека, но и его право на свободное вероисповедание, то есть право исповедовать, пропагандировать, практиковать и т.д. любую религию. Даже создавать свою, если есть такое желание. Кстати, полезно знать, что позже в интерпретацию этой поправки американцы стали вносить и противоположное право – право не исповедовать, не продвигать и не практиковать религию вообще. Иными словами, заложили, если хотите, конституционное право на неверие, безбожие, атеизм. Более того, поскольку было опасение, что все главные права человека перечислить просто невозможно, тем более

что никто не знал, запрос на какие права появится в будущем, было решено в тексте Первой поправки зафиксировать идею о том, что Конгрессу просто-напросто запрещено принимать законы, ограничивающие или запрещающие реализацию всех неотъемлемых прав человека в США.

Однако тут возникло определенное практическое противоречие. США, как известно, создавались как государство, близкое по своим принципам устройства к конфедерации: независимые государства, бывшие колонии, вырвавшись из-под власти британской метрополии, объединились в единое государство. Последствия этого объединения и его влияние на менталитет американцев я опишу позже. Здесь же важно понять, что Первая поправка, как она была сформулирована и записана, определяла только ограничения законодательных полномочий Конгресса страны, то есть федеральной власти, но никак не касалась законодательных органов штатов, которые и обладали в почти конфедеративных тогда условиях гораздо большей властью над жизнью своих граждан. В реальности это противоречие позволяло в то время некоторым штатам издавать законы, устанавливающие, например, официальную религию штата или запретительно регулировать правила митингов и протестов.

Подобная практика вызывала большое недовольство американцев, рождала новые, в том числе религиозные, конфликты и разногласия. Идея равенства какое-то время не работала на всей территории страны, но в 1868 году была принята Четырнадцатая поправка, которая устанавливала отмену рабовладения. Однако мало кто обратил внимание, что, в частности, эта поправка гласила: «Ни один штат не должен издавать и приводить в действие такого закона, который сокращал бы привилегии и права граждан Соединенных Штатов». Теперь в США не оставалось органов власти, имеющих возможность так или иначе в законодательном порядке ограничивать перечисленные в Конституции личные, персональные права граждан страны.

Надо сказать, что свободолюбие американцев и их понимание роли правительства, то есть любой власти, проявилось еще до принятия Конституции США, тем более до появления Первой поправки к ней. В 1776 году была принята знаменитая Декларация независимости (действующая, кстати, до сих пор), в которой, в частности, утверждалось: *«Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»*. Далее еще более решительно: «В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье. Разумеется, благоразумие требует, чтобы правительства, установленные с давних пор, не менялись бы под влиянием несущественных и быстротечных обстоятельств; соответственно, весь опыт прошлого подтверждает, что люди склонны скорее сносить пороки до тех пор, пока их можно терпеть, нежели использовать свое право упразднить правительственные формы, ставшие для них привычными. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа».

Фразы про «самоочевидную истину» и «стремление к счастью», не говоря уже о праве на «свержение правительства», были тогда поистине революционными в лексиконе государственных политических документов того времени. К примеру, французская Декларация прав и свобод человека, также действующая до сих пор, была принята лишь в 1789 году. В ней, в частности, также говорилось: *«Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа и для каждой его части есть его священнейшее право и неотложнейшая обя-*

занность». Заметьте, что в обоих основополагающих документах право на революцию не только провозглашается и оправдывается, но и называется «обязанностью» народа. Интересно, не правда ли?

Иными словами, в систему политических убеждений американцев, с одной стороны, намертво вошли (причем зачастую с подачи самих американцев) такие важные общечеловеческие понятия, как индивидуальные свободы и культурное, социальное, религиозное и политическое равноправие, демократия и главенство закона, вера в права человека и фундаментальный конституционализм. Эти понятия были взяты американцами на вооружение с самого начала существования Соединенных Штатов, развиты, укреплены и продолжают почти без изменений существовать до сих пор. Однако, с другой стороны, американцы, как известно, не верят в равенство в сфере экономики и доходов. Они в большинстве своем являются убежденными сторонниками либерального типа экономики, основанного на вере в абсолютное превосходство свободного рынка и экономических механизмов современного капитализма, не имеющего ограничений ни в сфере потребления, ни в сфере производства, ни в сфере инноваций, ни в сфере экономической свободы. Иначе говоря, американцы глубоко убеждены, что они – их общество, страна и политическая культура – на сегодняшний день представляют собой исключительно успешную и привлекательную модель устройства современного общества. При всех ее недостатках, которые американцы ощущают на своих условных чековых книжках. Некоторые даже полагают, что их модель – единственная на сегодня такая успешная. Скажу честно, этим они иногда напоминают мне убежденных коммунистов, которых я встречал в немалом количестве в своем детстве в Советском Союзе. Мы в свое время тоже верили, что «коммунизм – это молодость мира и его воплощать молодым», а СССР является самой передовой страной на Земле и будущее за нами. Сегодня примерно в это же беззаветно верит определенная часть американцев, а другая их часть склоняется к этой же вере или ставит под сомнение лишь детали столь радующей их сердце концепции.

«Казус мелкой чиновницы»

Вернемся к религии, церкви и системе ценностей в США. Наивно полагать, что, будучи с формальной стороны устроенной в этих вопросах весьма рационально, Америка сумела избежать проблем и конфликтов, связанных с религией. Скорее, напротив. В США всегда возникали и продолжают возникать разные по степени напряженности и содержанию конфликты именно на религиозной почве. Конечно, это не европейские религиозные войны и даже не конфликты между эмигрантами и коренными жителями. Это чаще всего политические и правовые конфликты, которыми многие американцы, по моим наблюдениям, даже отчасти наслаждаются, видя в них как бы еще одно доказательство того, что их страна не только толерантна к той или иной религии, но, главное, является сугубо правовым государством. Все конфликты – через суд, Конгресс, общественные слушания и т.д. Такие правовые конфликты обычно позже становятся темами для статей в центральной прессе, академических книг и семинаров в университетах и сюжетами для увлекательных голливудских фильмов.

Типичным примером такого конфликта нашего времени стала история никому доселе не известной мелкой чиновницы из далекого от океанских побережий штата Кентукки. Зовут ее Ким Дэвис, и в 2015 году она неожиданно (хотя и ненадолго) стала знаменитой на весь мир. Много лет она скромно работала клерком в маленьком графстве – в ее обязанности входила выдача различных свидетельств актов гражданского состояния, в том числе, как это называется по-русски, свидетельств о регистрации брака. В большинстве штатов США (напоминаю, что в Америке отсутствует федеральное семейное законодательство и есть лишь законодательства по этим вопросам на уровне штатов) процедура получения такого свидетельства крайне проста. За пару дней до брачной церемонии будущей семейной пары (или одному ее представителю) следует заехать в соответствующий отдел местного правительства, заплатить маленькую пошлину и взять у работающего там клерка бумагу под названием «брачный сертификат». Она недействительна, пока ее не подпишут три человека: тот, кто проводит саму брачную церемонию, и два свидетеля. После чего эта бумага посылается по почте обратно в соответствующий отдел местного правительства, где регистрируется и благополучно кладется в архив. Вот работа Ким Дэвис и заключалась, в частности, в выдаче этих сертификатов. К самому заключению брака она никакого отношения не имела.

Замечу, к слову, что в Америке можно сравнительно легко получить право регистрировать бракосочетания. Для этого достаточно, например, получить разрешение одной из многочисленных религиозных или полурелигиозных организаций, функционирующих в стране. Это могут сделать люди любых профессий и любых ориентаций. Приведу свой собственный пример. Когда я решил вступить в законный, как говорят в России, брак со своей невестой-американкой, то процедуру нашего бракосочетания задорно провел наш общий коллега и друг, профессор журналистики местного университета. Много лет назад этот профессор, тогда еще совсем молодой преподаватель, случайно увидел на задней стороне обложки какого-то религиозного журнала рекламный купон с призывом финансово поддержать эту деноминацию посылкой пяти долларов США в обмен на получение права от ее имени заключать браки.

Это выглядело забавно. Почему нет? – подумал он. Наш университетский коллега был (да и остается до сих пор) либералом в волосатом стиле первых хиппи 1960-х годов, любящим всякие неординарные вещи. Он, как говорится, ради прикола послал пять долларов и получил право на заключение браков на территории США. Надо сказать, что сейчас он даже не помнит, какая именно это была церковь. Помнит только, что в ее названии было словосо-

четание типа «вечная жизнь». Скорее всего, такой организации уже больше нет в природе, – что, впрочем, не отменило его права заключать браки от ее имени.

То, что обряд бракосочетания будет совершать близкий друг, нас более чем устраивало. Все это мероприятие мы проводили на природе, в парке, и нас совершенно не интересовало, какая именно из тысяч и тысяч американских церквей возложила на нашего приятеля право провозгласить нас мужем и женой. К слову сказать, мы с моей бывшей женой-американкой уже давно развелись, испортив приятелю «брачную статистику». Мы, как он стал в шутку жаловаться, стали второй разведенной парой в его личной регистрационной истории, включающей свыше трех десятков свадеб. Но мой развод – это уже другая история. В любом случае я до сих пор убежден, что, когда церемонию проводит твой хороший друг, это всегда лучше, чем самый высокопрофессиональный, но чужой регистратор загса. Если, конечно, это не строгая церковная церемония.

Как я уже упоминал, после брачной церемонии и, соответственно, банкета по этому поводу подписанный тремя заверителями сертификат необходимо послать в местное правительство, иначе ваш брак для государства просто не будет существовать. Наш банкет растянулся на три дня, поэтому сертификат мы отправили почти через неделю после свадьбы. Конечно, в США совсем не обязательно требовать признания брака от государства – вы можете вполне удовлетвориться церковной церемонией или, как в нашем случае, словами, произнесенными добрым приятелем, провозгласившим вас мужем и женой. Многие в США так и делают. Большинство американцев считает, что это вообще не дело государства – решать, состоят люди в браке или нет, и если состоят, то с кем именно. И такие американцы часто не регистрируют свои браки в местных органах власти. Из принципа, если хотите. Из традиционной нелюбви к государству и власти. Если регистрировать свои семейные отношения в органах власти, считают они, то сами граждане вольно или невольно постепенно расширяют полномочия государства, чего подавляющему большинству американцев делать уж точно не хочется.

Но и американское государство, надо признать, тоже не хочет полностью упускать эту сферу из цепких чиновничьих рук. Поэтому, с одной стороны, у вас есть право не оповещать родное государство о своем матримониальном положении, ограничиваясь, скажем, гражданским или церковным браком. Но, с другой стороны, в этом случае государство лишает вас тех благ и преимуществ, которые оно предоставляет супружеским парам. А их немало, и все они, как правило, касаются финансовой стороны жизни. Выбор – за вами. Вполне в духе либеральной экономики вам предоставляется право свободного выбора на рынке услуг: свобода от информирования государства о вашем семейном статусе и потеря финансовых льгот или признание права государства на информацию о вашем статусе и получение этих льгот. Все честно.

Например, размер подоходного налога на семейные пары в США меньше, чем сумма налогов с каждого из супругов, если бы они решили платить по отдельности. Кстати, раздельная подача налоговых документов встречается в США сплошь и рядом, ибо один из супругов может пожелать, например, скрыть от своей «второй половины» личные годовые доходы (расходы) или количество денег на персональных банковских счетах. Не обязательно, что другой супруг воспримет это негативно, – просто принцип защиты частной жизни и персональной финансовой информации глубоко вошел в кровь американцев, так что защита личных данных иной раз бывает и от членов собственной семьи. Но если вы подаете налоговые документы «всей семьей», у вас есть возможность «списать» несколько большую сумму.

Подобных примеров можно привести немало. Так, семейные пары могут купить совместные медицинские страховки, что гораздо дешевле нескольких индивидуальных страховок; передавать друг другу свое имущество по наследству без особенных проблем и обяза-

тельных выплат; покупать «семейные» телефонные планы и т.д. При этом должен отметить, что я лично ни разу не сталкивался с тем, чтобы надо было как-то подтверждать свое семейное положение при сдаче, например, налоговых документов. Просто в этих документах заполняются определенные графы касательно женатого (замужнего) статуса, которые в противном случае остались бы пустыми. Иных доказательств вашего статуса государство от вас уже не требует.

Вот тут самое время, наконец, вернуться к мелкой чиновнице из Кентукки по имени Ким Дэвис. Она, как стало известно из многочисленных сообщений в СМИ, отказалась выдать обратившейся к ней однополый паре тот самый сертификат, без которого государство не признает процедуру брака. Конечно, как я уже говорил, без сертификата брак в США тоже может быть заключен – например, в церкви. Но для представителей сексуальных меньшинств такой вариант, естественно, невозможен. Им приходится оставаться незарегистрированными нигде, то есть жить так называемым «гражданским союзом», который не подразумевает никаких финансовых льгот и преимуществ. Подобная ситуация, как считали борцы за право на юридически признанный брак представителей сексуальных меньшинств, создает большое реальное неравенство в правах американских налогоплательщиков.

Замечу, что Америка отнюдь не впереди планеты всей в вопросе предоставления сексуальным меньшинствам прав на полноценное заключение брака. Хотя, естественно, она и не в арьергарде этого движения. Скорее в середине. Просто сам размер этого государства и степень его влияния в мире делают все, что происходит внутри США, очень заметным, а зачастую необратимо влияющим на все человечество. Хорошо это или плохо – ответ на этот вопрос каждый дает сам, исходя из своих симпатий и антипатий, моральных установок и политических взглядов.

Напомню также, что США отнюдь не появились на свет нынешней толерантной страной. Особенно трудно, учитывая огромную религиозность населения Америки, найти в большей части ее недолгой истории толерантность по отношению к разного рода меньшинствам, в том числе к меньшинствам сексуальным. Одна история с американскими индейцами чего стоит! Однако постепенно ситуация менялась, эволюционировала, и многие меньшинства (хотя и не все) добились или полноценного равенства, или равенства по основным, в первую очередь правовым вопросам, включая обязательное для всех равенство перед законом.

Дело ведь не только – и даже не столько – в преступлениях многовековой давности. Какие страны и народы избежали таких преступлений в своей истории? Нет ни одного большого народа, у которого в прошлом не было бы страниц, которыми не то что нельзя гордиться, а надо стыдиться. Но дело в том, как то или иное государство, то или иное общество прощается с этими проблемами, преодолевает их, оценивает их сегодня со своей моральной и исторической «колокольни», что оно делает, чтобы эти позорные страницы остались в далеком прошлом. У Америки очень внушительный список и подобных преступлений, и побед над собственным тяжелым наследием – от рабства до беззакония «Дикого Запада», от почти поголовной неграмотности до поразительного политического неравенства. Хотя надо признать, что некоторые проблемы из прошлого продолжают, пользуясь ярким сравнением русского критика Виссариона Белинского, «держаться за фалды» Америку. Прискорбное положение американских индейцев наравне с немалыми остатками расизма являются, наверное, наиболее яркими примерами такого положения дел.

Но если афроамериканцы многого добились за последние полвека в борьбе за свое реальное равенство, то проблема индейцев США, мне кажется, оказалась во многом замороженной. В старой американской книге шуток есть, в частности, такая: «Учитель спрашивает ученика: Джонни, какая разница между боем и массовым убийством? Джонни отвечает: Бой – это когда много белых воинов убивают немного индейцев. А массовое убийство – это

когда много индейцев убивают нескольких белых». Сегодня, конечно, такая шутка совершенно невозможна. И не только по причине политкорректности. Большинство американцев об истории истребления индейцев особо не думает. Индейцы оказались на сегодня одним из самых «забытых», если хотите, меньшинств Америки. У этого меньшинства нет лидеров, целей, идеологии и т.д. На первую линию фронта борьбы за свои права выходят все новые и новые группы, задвигая индейцев все дальше в историю.

Последние полвека такую борьбу очень активно ведут, в частности, представители сексуальных меньшинств. Они добились немалых успехов, и не только в США. Им, в частности, удалось сделать борьбу за свое равноправие частью общей борьбы за права человека. Это, без преувеличения, большое их достижение. Однако последний этап борьбы сексуальных меньшинств за равные права ведется в основном за их равенство перед законом, за экономическое равенство, за то, чтобы отношение к их личной жизни со стороны государства, которому они, как и все остальные законопослушные граждане США, платят свои налоги, не отличалось от отношения к разнополым парам.

В 2015 году в США случилось важное событие, повлиявшее на жизнь сексуальных меньшинств всего мира: Верховный суд страны завершил рассмотрение вопроса об однополых браках и вынес принципиальное решение об их полной легализации. До этого решения бракосочетания представителей сексуальных меньшинств были запрещены в 14 из 50 штатов. Теперь же суд решил, что подобные брачные союзы никак не противоречат американской Конституции. Это решение означало, что однополые браки стали легальными на всей территории страны, а сотрудники местной власти, занимающиеся регистрацией браков, обязаны в данном отношении поступать так же, как и в отношении браков гетеросексуальных.

Слушания по вопросу об однополых браках, их легализации и равенстве прав на супружество продолжались в Верховном суде несколько месяцев и вызвали большой общественный интерес. Они были инициированы несколькими штатами США, в частности Кентукки, Мичиганом, Огайо и Теннесси. Верховный суд, среди прочего, должен был решить, гарантирует ли Конституция США сексуальным меньшинствам право заключать однополые браки или этот вопрос находится исключительно в юрисдикции отдельных штатов. К этому моменту Алабама уже стала 37-м штатом, который легализовал однополые браки. Множество судей на уровне штатов игнорировали старые рекомендации Верховного суда и начинали в массовом порядке выдавать свидетельства о браке однополым парам.

Тут интересно вспомнить, что еще совсем недавно, в начале 2003 года, ни в одном из штатов США не были легализованы однополые браки вообще. Иными словами, скорость принятия американцами нового морального стандарта в этом вопросе была очень высока. Интересно также сравнить аргументацию обеих сторон в Верховном суде. Сторонники легализации однополых браков делали акцент на 14-й поправке к Конституции США, говорящей, что ни у одного штата нет права отрицать принцип равенства всех людей перед законом. Они утверждали, что законодательные акты, принятые в отдельных штатах страны и запрещающие однополые браки, соответственно, напрямую противоречат этой поправке. Противники же легализации требовали, чтобы этот вопрос решался не на федеральном, а на местном уровне, уровне штатов и графств. Тем более что все семейное законодательство в Америке является не федеральным, а местным, штатским. Поэтому, говорили противники, нельзя отбирать у штатов, где большинство выступает против однополых браков, право на самостоятельное решение вопроса. То есть, формально говоря, все они были не против подобных браков как таковых, а против передачи этого вопроса на уровень федеральной власти и Верховного суда страны.

Верховный суд США в своем решении исходил из того, что американская Конституция гарантирует всем гражданам страны равенство перед законом и собственным государством, справедливое разбирательство в суде и защиту их прав. «Ни один союз не является настолько

основополагающим, как брак, он является высшим проявлением идеалов любви, верности, самопожертвования и семьи», – было сказано в тексте официального решения высшего для США суда. Правда, нельзя не заметить, что голоса судей радикально разделились, так что решение было принято девятью членами Верховного суда с немалым трудом. Но в конечном итоге со счетом пять против четырех бракосочетания между представителями сексуальных меньшинств стали законными на всей территории страны. Представители сексуальных меньшинств, говорилось в окончательном решении Верховного суда, «просили равноправия и уважения перед законом. Конституция дает им такое право».

Один из судей Верховного суда США Энтони Кеннеди, в частности, записал в своем отдельном решении, что гомосексуалисты не должны быть обречены на жизнь в одиночестве. Интересно, что сам Кеннеди, которому к тому времени стукнуло 79 лет, всегда был судьей весьма консервативного склада. Он был выдвинут на должность еще республиканским президентом Рональдом Рейганом почти 30 лет назад. Однако за эти годы судья Кеннеди изредка проявлял себя более либеральным судьей, чем можно было ожидать от рейгановского назначенца. Он, в частности, занимал сравнительно либеральные позиции по вопросам о защите частной жизни, об этнической принадлежности и свободе слова, когда те становились предметом рассмотрения в Верховном суде страны. Будучи ирландским католиком по вероисповеданию, судья Кеннеди не раз становился человеком, чей голос в равной мере бы ситуации давал преимущество той или иной стороне. Так произошло и с решением по бракам для представителей сексуальных меньшинств.

Кстати, Верховный суд раскололся в этот раз не только по принципиальному вопросу о легализации однополых браков, но и по способу достижения этой легализации. Причиной послужили разного рода разногласия между судьями, касающиеся мировой и американской истории и традиций, интерпретации Конституции, всего демократического процесса и роли суда в фундаментальных изменениях социальной сферы. Любой серьезный юрист поймет, что все это принципиальные вопросы в системе прецедентного права. Судьи разошлись во мнениях даже в том, что касается интерпретации некоторых вопросов биологии и человеческого поведения.

В день, когда Верховный суд принял эту историческую резолюцию, президент США Барак Обама на своей странице в Twitter назвал такое решение «огромным шагом в движении навстречу реальному равенству». А потом добавил: «Все люди должны иметь равные права, независимо от того, кто они и кого они любят. Это решение суда наконец-то покончит с той неуверенностью, которую по всей Америке испытывают сотни тысяч однополых пар. Это решение укрепит наше общество. Это настоящая победа. Победа наших союзников и друзей, которые десятки лет работали и молились, чтобы этот день настал. Это победа всей Америки». Сразу после этого министерство юстиции США объявило о том, что правительство расширит программу социальных выплат и ветеранских пособий для однополых пар во всех 50 штатах страны. А кроме того, они, естественно, получают и все остальные льготы, полагающиеся в США разнополым семьям.

Однако именно эта «победа всей Америки» и привела нашу старую знакомую Ким Дэвис в тюрьму. Несмотря на победное решение Верховного суда США, она отказалась выдать свидетельство о регистрации однополых пар, пришедшей за ним в несчастливый для себя час работы миссис Дэвис. Попади эти люди к другому регистратору – вся история осталась бы их личным делом. Но Ким Дэвис заявила, что этот вопрос, по ее мнению, не относится к компетенции суда, пусть даже и Верховного суда США, а исчерпывающий и окончательный ответ на него давно дан в книге, которая называется Библия. Она утверждала, что выдача таких свидетельств идет вразрез с ее религиозными убеждениями и она не может поставить решение Верховного суда страны выше этих убеждений. Вот такой она человек. Далее миссис Дэвис вполне логично заметила, что не обязана, как это действительно и запи-

сано в Конституции штата Кентукки, выполнять какие-либо действия, идущие вразрез с ее религиозными убеждениями. Позже, выступая в суде, Ким заявила, что считает браком только союз между одним мужчиной и одной женщиной, и закончила тем, что ей не требуется дополнительное время на то, чтобы переосмыслить свое решение по этому вопросу.

Как позже выяснилось, Ким Дэвис отказала в выдаче свидетельства о браке уже далеко не в первый раз. Заявление против чиновницы подали как минимум четыре пары. Судья, который рассматривал жалобу, заявил, что уважает религиозные взгляды и убеждения любого человека, однако чиновник не может ставить их выше закона и Конституции. Суд, по его словам, не вправе мириться с ситуацией, когда чиновник не повинуется законному решению Верховного суда страны. Сначала поступило предложение уволить чиновницу, однако тут выяснилась важная деталь этой истории: уволить Ким Дэвис по суду оказалось невозможно, так как она занимала в своем графстве выборную должность, то есть не являлась назначенцем. В результате судья принял самое простое в данной ситуации решение: миссис Дэвис арестовали и посадили в тюрьму. Это, кстати, стало неожиданностью для подавших заявление молодоженов, которые хоть и просили наказать Дэвис, однако вовсе не хотели, чтобы она отправилась за решетку из-за твердости своих религиозных убеждений.

Тогдашний пресс-секретарь Белого дома Джош Эрнест по этому случаю заявил: «Каждый государственный служащий обязан подчиняться закону. Никто не может быть выше законов. Это относится как к президенту США, так и к клерку из Кентукки». Интересно, что пять из шести заместителей Ким Дэвис, будучи вызваны в суд на допрос, заявили, что готовы выдавать сертификаты для оформления однополых браков. Только сын самой Дэвис по имени Натан, который тоже в качестве добровольца работал ее заместителем, заявил, что разделяет и поддерживает позицию матери, – иначе говоря, сын не отказался от ее убеждений. Потом выяснилась еще одна пикантная подробность: столь религиозная Ким Дэвис к этому моменту была уже трижды разведена.

«Казус Ким Дэвис» стал хорошей иллюстрацией столкновения двух групп ценностей, каждая из которых защищается в США Конституцией и законом, традициями и нравами этой страны. История неожиданно получилась настолько «американской», настолько разноплановой, что стала настоящим кладом для американских журналистов, которые набросились на нее, как голодный зверь на приманку. Не удивлюсь, если вскоре мы увидим голливудский блокбастер по ее мотивам.

Конечно, сама Ким Дэвис была выпущена из тюрьмы уже через пару дней, однако этот скандальный и отчасти экзотический случай начал в США широкую общественно-политическую дискуссию по двум немаловажным для американцев вопросам. Ответ на один из них достаточно очевиден. Должен ли чиновник руководствоваться законом страны, даже если этот закон противоречит личным религиозным убеждениям самого чиновника? Или эти убеждения выше закона? Для США – страны, где, во-первых, сосуществует рекордное количество религий, но, во-вторых, государство законодательно отделено от религии, – естественно, закон для чиновника выше любых религиозных убеждений. Тут нет большого противоречия. Другое дело, что большинство американцев полагают, что американские законы базируются на законах Божьих, справедливых и правильных. И когда возникает ситуация, подобная описанной, у них возникает некий, пусть и слабый, когнитивный диссонанс.

Справедливости ради надо отметить, что Дэвис была избрана на должность регистратора актов гражданского состояния до того, как Верховный суд принял решение об обязательности регистрации однополых браков, причем избрана в штате Кентукки, который до этого решения категорически не признавал такие браки. Так что нельзя сказать, что она должна была знать о возможности возникновения подобного морально-правового конфликта в будущем. Другое дело, что она не вышла в отставку после того, как Верховный

суд огласил свое решение, – а значит, в ее обязанности отныне входила выдача свидетельств однополым парам, нравится это самой Дэвис или нет.

Похожая реакция у большинства американцев возникает и при обсуждении других вопросов, где возникает конфликт между законом и религией. Например, когда обсуждаются разводы, в том числе церковные, образование в средних школах при тех или иных религиозных деноминациях, добрачное сожителство молодых людей, самоубийства т.д. Особенно остро этот конфликт проявляется сегодня на примере абортов. США периодически сотрясают взрывы в клиниках, где делаются аборты, и убийства врачей, практикующих этот метод прерывания беременности. По сути, это древний спор о том, когда начинается жизнь – с зачатия или рождения, – переведенный в экстремальные формы. Это спор о том, имеет ли женщина право на любые действия со своим телом, является ли убийство человеческого зародыша преступлением и т.д. Это тот самый случай, когда американские законы входят в противоречие с религиозными воззрениями большого количества граждан страны, и поэтому конфликт не только вызывает моральный дискомфорт в обществе, но и перерастает в острый политический вопрос, провоцирующий конфронтацию практически на каждом американских выборах. По сути, таким же острым вопросом являлось еще недавно и право однополых пар на заключение брака.

Вторая тема, которая в очередной раз возникла на примере истории Ким Дэвис: можно ли наказывать кого-то, тем более сажать в тюрьму за осуществление на практике его религиозных свобод и принципов? В частности, адвокат Ким Дэвис в суде делал основной упор на то, что его подзащитную рассматривают как преступницу, потому что она не может пойти против своей совести. Напомню, что в США свобода слова и совести не только защищена Конституцией страны и всей ее политической системой, но и является одним из краеугольных камней, на которых построена вся американская государственность и ментальность. Это одна из фундаментальных основ политической и бытовой культуры, в атмосфере которой ежедневно живут американцы. Один из их «символов веры», если хотите. В том числе и для небольшой по численности группы американских атеистов.

Супруг президента

Сторонники сексуального равенства в США уже готовы идти гораздо дальше. В Конгрессе периодически появляются законопроекты, предлагающие отменить в брачных документах слова «муж» и «жена», а заменить их словами «первый супруг» и «второй супруг». На первый взгляд, это вполне безопасное и мало что значащее изменение, однако и оно, конечно, ведет к размыванию традиционного понятия семьи как союза гетеросексуальных людей. Правовое определение семьи как союза мужчины и женщины, которое пока еще сохраняется в законах США, постоянно подвергается давлению с целью изменения на словосочетание «союз двух людей». Примеров такого рода можно привести уже очень много. Так, в школьных документах моей дочери (а их, надо признаться, очень много, так как американская школа ничего не может сделать с ребенком без четко выраженного согласия родителей в виде личных подписей) все чаще появляются графы «подпись одного родителя» и «подпись второго родителя». Дочь ходит в школу в штате Мэриленд, в городке, являющемся ближайшим пригородом столицы США Вашингтона. Справедливости ради надо сказать, что пока еще в школьных бумагах в основном встречаются традиционные графы «мать» и «отец», или после слов «один родитель» и «второй родитель» школа все еще просит обозначить свою традиционную роль – отец, мать или, скажем, усыновитель ребенка, – однако тенденция постепенно набирает силу. Я уж не говорю о том, что в самой школе легко можно встретить учителя – открытого представителя сексуальных меньшинств, а среди учеников полно детей, воспитываемых в однополых семьях.

Слов нет, в такой ситуации понятие традиционной семьи в восприятии детей постепенно размывается. Но в то же время друзья из однополых семей или учителя-геи становятся привычным фактом ежедневной жизни, к которым ребенок быстро теряет интерес как к чему-то необычному, оригинальному, непонятному. Как результат, для них из этой темы уходит не только политический и религиозный накал, которым ее сегодня наполняют взрослые, но и вся драма «взрослых страстей». Все это становится обычным для американского ребенка, вызывая в нем не больше любопытства, чем наличие одноклассника-инвалида, друга-вегетарианца или диабетика, или, скажем, школьника-мусульманина, который живет по своему религиозному дневному расписанию, однако остается частью общей школьной компании. Хорошо это или плохо – вопрос, далеко выходящий за рамки этой книги... Могу сказать только одно: Америка вместе с целым рядом других западных стран семимильными шагами движется к окончательному размыванию узко понимаемой традиционной семьи.

Однако надо признать, что началось это не с борьбы представителей сексуальных меньшинств за свои права и наверняка не закончится историческим решением Верховного суда США, признавшего равенство однополых и гетеросексуального брака. Похоже, что процесс имеет гораздо более широкую основу и касается многих привычных для нас вещей. Например, он не может не затрагивать растущее число разводов в США, борьбу американских женщин за свои экономические права и равенство женщин в зарплате с мужчинами за одинаковый труд (начало чему положила Октябрьская социалистическая революция 1917 года в России) или, скажем, борьбу отцов за равенство с матерями в вопросах воспитания детей после развода и т.д. Все это размывает традиционное общество, но подавляющее большинство американцев считает, что развитие идет в правильном направлении. Каким-то загадочным образом это не мешает им всем считать себя людьми религиозными, чтящими Библию и законы Божьи. Они просто привыкли жить в очень стабильном в своем постоянном изменении обществе и воспринимают изменения как должное. Или вообще не задаются такого рода вопросами.

Сегодня в США действительно все чаще с самых высоких трибун раздаются призывы ввести вместо слов «муж» и «жена» термины «супруг» и «супружеская пара». Сторонники этой линии полагают, что в традиционных терминах есть признаки половой дискриминации, что невольно таким образом находит свое отражение в законах США. Именно это они и требуют подкорректировать. Так, например, в Акте о безопасности и здоровье шахтеров в США говорится, что только жены работников, то есть супруги женского пола, могут получить компенсацию за травму или смерть мужа в шахте. В то время как в реальности надо бы сделать так, чтобы выплаты смогли получать «супруги» работников, вне зависимости от пола. И таких примеров немало.

Иногда ситуация принимает забавные формы. Так, например, в США есть закон, по которому преступлением является убийство «жены главы государства», но ни слова не говорится о ее или его муже. По действующей логике, при президенте Хилари Клинтон ее муж, бывший президент США Билл Клинтон, получит статус «жены главы государства», то есть «первой леди», а не статус «супруг президента», ибо подобная формулировка в законах Америки просто отсутствует. Значит, закон надо снова менять. Раньше в США никому в голову не приходило, что страну может возглавить женщина, – все-таки Америка большую часть своей истории была весьма и весьма традиционным обществом.

На самом деле начало такому «половому выравниванию» в терминологии положила волна американской политической корректности. Я уже говорил о ней в других книгах, но могу напомнить, что в последние два-три десятилетия американцы стали настойчиво менять в своем словаре традиционные слова, которые так или иначе могли подчеркивать половую принадлежность, например, того или иного специалиста. Эту тенденцию сразу же активно поддержали всякого рода феминистские движения и группы, борющиеся за равноправие женской половины США. Так, из лексикона исчезли слова «стюардесса» – *stewardess* и «бармен» – *barman*, вместо них появились *flight attendant* и *bartender*, широко распространились труднопроизносимые «конгрессвумен», «бизнесвумен» и т.д. Многие из таких изменений формализуются в законах, в том числе местных. Так, в штате Вашингтон слово *fisherman*, то есть «рыбак» в сугубо мужской форме, заменили на *fisher*, то есть тот же рыбак, но без выраженных вторичных половых признаков. Вместо словосочетания *journeyman plumber*, что означает «мужчина – помощник сантехника», теперь надо говорить *journey-level*, то есть просто «помощник сантехника», и т.д.

Есть такая американская поговорка: положи свои деньги туда, где находится твой рот. Говоря проще – доказывай свою приверженность тем или иным идеям или предложениям не просто на словах, а реальным делом. Рискни, что называется, деньгами, а не словами. Видимо, исходя из этого, администрация президента США осенью 2015 года сделала два решительных шага. Она впервые в своей истории приняла на работу открытого трансгендера – Раффи Фридман-Горспэн, которая была назначена на должность директора по подбору персонала в управлении кадров. Фридман-Горспэн всегда открыто заявляла о своей гендерной самоидентификации. До этого она занимала должность ни много ни мало советника по политике в Национальном центре равноправия трансгендеров. В Белом доме заявили, что ее предыдущая работа «отражает ценности администрации президента Соединенных Штатов». А незадолго до этого назначения в Белом доме появилась уборная «для всех полов». Причем она была устроена в той части здания, где размещается весь административный аппарат администрации президента США.

Кто их еще не видел: туалеты-унисекс лишены привычных табличек «М» и «Ж», они представляют собой общий зал с единым для всех входом и общими раковинами для мытья рук. Такие туалеты, кстати, частенько можно увидеть в пафосных ресторанах и клубах Москвы. Не знаю почему, но они очень популярны у дорогих московских рестораторов. Не буду здесь называть конкретные места, однако любящий ходить по ресторанам моск-

вич наверняка навскидку вспомнит несколько заведений. Вообще-то смысл таких туалетов в том, чтобы представители сексуальных меньшинств не испытывали трудностей, как при посещении привычных уборных, разделенных по гендерному признаку. Не знаю, насколько это актуально для Москвы, но для Белого дома данное решение является зримой реализацией либеральной политической линии, которой придерживался президент. Интересно, президент-республиканец когда-либо захочет перестроить эти туалеты? Мне кажется, что нет. Они уже становятся частью американской обиходной культуры. Кроме того, говорят, что такие туалеты удобнее, экономичнее и проще в обслуживании. Мне трудно судить об этом...

В любом случае мы все время возвращаемся к вопросу о балансе традиций: их соблюдению, с одной стороны, и отходу от них – с другой. США постоянно – буквально ежедневно – живут в условиях пересмотра этого баланса. По большому счету, основа стабильности в Америке (причем как политической, так и нравственной, моральной и т.д.) – это постоянный отказ от вчерашней стабильности и поиски нового баланса, который обеспечит эту стабильность на сегодня. Отсюда – и вечная жизнь в долг; и сочетание главенства закона и жесткой системности с невероятной внесистемной креативностью; и сочетание порядка и организованности с постоянным беспорядком и индивидуализмом... Отсюда, если задуматься, вытекают и чудовищные ошибки во внешней политике Америки, вызванные искренним непониманием того, что жизнь в других странах устроена не так и не на тех основах и балансах, как в самих США.

Упомянутый выше «казус Ким Дэвис» весьма характерен для современной Америки, да, впрочем, более или менее и для любого этапа ее истории. Советские пропагандисты и публицисты-международники совершенно верно в свое время подметили важнейшую черту Америки. Это, безусловно, «страна контрастов». Конечно, пропагандисты из СССР всегда так или иначе сосредотачивались на одном контрасте США – контрасте труда и капитала, бедности и богатства. Их задачей было продемонстрировать выигрышность советского более чем гармоничного устройства жизни перед неустойчивым американским. Однако они сами тогда не понимали, как были правы! Америка – действительно страна контрастов, и именно это качество делает ее не только крайне устойчивой, но стремительно развивающейся страной. Созданная в Америке либеральная демократия является эффективным механизмом постоянного рождения и разрешения «контрастов», то есть противоречий, одновременного сглаживания одних и обострения других. Эту страну всегда будет за что как резко критиковать, так и искренне восхвалять. По сути, США – это страна, живущая по диалектике в ее изначальном (платоновском) понимании. Рождение конфликтов и дисбалансов, их разрешение и балансировка и рождение новых... Поиск единства и источника развития идет здесь только через борьбу и сосуществование разных позиций, разных взглядов, разных подходов к той или иной проблеме. Трудно найти в мире больших противников монополии в чем-либо, чем американцы. Они глубоко убеждены, что монополия – вернейший и кратчайший путь к ошибкам. Контрасты и конфликты – американский способ преодоления монополизма.

Конечно, есть и немалые исключения из этой картины. Таким исключением, в частности, является внешняя политика страны. Как известно, США легко соглашаются с пользой поддержания собственной монополии в мире. Однако это то самое исключение, которое отлично подтверждает правило. Ведь очевидно, что большинство серьезных ошибок во внешней политике Америки являются следствием той самой нелюбимой американцами монополии, отсутствием достойного и влиятельного «адвоката дьявола», которого они потеряли с исчезновением СССР. Повторю то, что я уже говорил не раз: внутри страны США устроены весьма и весьма демократично и эффективно. А внешняя политика Америки часто предстает далеко не демократичной, а то и прямо антидемократической. Самая демократическая страна мира раз за разом ведет себя в этом мире прямо противоположным образом,

нарушая принципы собственного внутреннего устройства, и ниже мы еще поговорим о том, почему так происходит.

Проблема противоречий между личными убеждениями и служебными обязанностями политиков, чиновников, общественных деятелей остро стоит во всем мире. Особенно если чиновник избирается прямым голосованием, как это было в случае с Ким Дэвис. США, как известно, страна сугубо светская, секулярная. Однако религиозные убеждения здесь имеют немалое значение. Не зря на любых выборах – от президентских до местных – избирателями неизменно поднимается вопрос вероисповедания кандидатов. Скажем честно: у атеиста нет никаких шансов быть избранным президентом страны или членом ее законодательного собрания. Подобное, по мнению американцев, возможно только в какой-нибудь «империи зла», как с легкой руки Рональда Рейгана стали называть в свое время СССР, причем именно из-за его государственного атеизма и, соответственно, абсолютной аморальности советской власти. Более того, американские избиратели не очень любят, когда кандидат принадлежит какой-то не самой популярной религиозной конфессии. Так, в свое время это стало проблемой для главного кандидата в президенты США от республиканской партии Митта Ромни, который является мормоном, то есть прихожанином Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Конечно, мормонов в США немало, но все же гораздо меньше, чем протестантов, которые, как известно, являются крупнейшим направлением христианства в США и составляют приблизительно половину населения страны.

Немудрено поэтому, что все президенты США – христиане и за исключением одного – протестанты. Исключением этим стал в свое время 35-й президент страны Джон Кеннеди, который был католиком. Его избрание в 1961 году стало почти таким же феноменом, как избрание в 2007 году первого президента-афроамериканца Барака Обамы. Последний, по его собственному признанию, тоже является протестантом, хотя часть американцев в это не верит и считает его тайным мусульманином. Во время избирательной кампании и в начальный период президентства Обамы республиканцы развили большую активность, пытаясь доказать, что Обама – мусульманин, и ему пришлось прилагать немало усилий, доказывая свою принадлежность к христианской церкви. «Президент, безусловно, по вероисповеданию является христианином. Он молится ежедневно», – вынуждены были убеждать американцев представители Белого дома. Однако, как известно, дыма без огня не бывает – и дед, и отец Обамы исповедовали ислам, а сам Обама большую часть детства провел в Индонезии. Его политические оппоненты частенько напоминают всем, что полное имя президента – Барак Хуссейн Обама. Забавный факт: мама Обамы (из Канзаса) и папа Обамы (из Кении) впервые познакомились в классе русского языка в Гавайском университете.

Я писал выше, что американская религиозная толерантность привела к тому, что религия тут перестала являться маркером «свой – чужой», однако на выборах высшего должностного лица любые подобные нюансы начинают играть особую роль. Иначе говоря, никто в США не против того, чтобы Обама исповедовал ислам, но многие были бы против того, чтобы мусульманин стал президентом страны. По крайней мере, на данном отрезке американской истории. Религия выступает в качестве важного критерия в глазах избирателя, поэтому очень многие американцы, как показали опросы, сразу же отнеслись с симпатией к Ким Дэвис – ведь человек не просто на словах отстаивает свои убеждения, но реальным делом, то есть «кладет свои деньги туда, где находится ее рот».

Интересно, что влияние знаменитых американских стереотипов и негласных требований политкорректности быстро ослабевает, как только уходит политическая острота. Выборы заканчиваются, один из кандидатов занимает тот или иной пост – и интерес к его (ее) религиозности начинает быстро падать. Так, согласно опросам последних лет, 43 % американцев вообще не знают и не хотят знать, какую религию исповедует президент. Немалому их числу этот вопрос в принципе безразличен. Но интерес обязательно возникнет, как только

тот или иной политик вновь выдвинет свою кандидатуру на выборы, – и опять забудется, когда уже избранный чиновник приступит к выполнению своих обязанностей. К самому Обаме по понятным причинам это уже не относится.

Секрет тут простой: для подавляющего большинства американцев чиновник (выборный, назначенный или добровольный) на работе – это человек, обязанный руководствоваться не своими личными симпатиями и антипатиями, а законами и Конституцией страны или штата. Ни один американец ни на минуту не забывает, что чиновники, да и все государство, существуют лишь на налоги, которые платятся на их содержание, и на полном серьезе, без шуток считает их своими работниками, нанятыми с целью обслуживания его гражданских и личных интересов. Это понимание очень глубоко сидит в политической культуре американского общества. Конечно, это несколько наивная точка зрения, однако именно она помогает, с одной стороны, простым американцам не чувствовать ни малейшего раболепия перед чиновниками и зависимости от них, а с другой – заставляет чиновников более или менее одинаково относиться к гражданам страны независимо от их финансового или карьерного положения. А главное – помогает и тем и другим чувствовать определенное единство и взаимозависимость, что также способствует сплочению американского государства.

Закон – главная религия Америки

Те, кто сталкивался с американской бюрократической машиной, должны были обратить внимание на то, что она при всей внешней благожелательности, доброжелательности и даже улыбочности чиновников является по существу поразительно равнодушной, безразличной и довольно холодной структурой. Американская бюрократическая машина – часть большой американской системы, о которой уже шла речь, и функционирует она подчеркнуто формально. Как и любая бюрократия, она не создана для эмоций. Именно здесь, в США, действительно можно почувствовать себя не живым человеком, а винтиком, попавшим в гигантский механизм. Сходите, например, в бюро регистрации автомобилей для получения водительского удостоверения, или в офис социального страхования, или в иммиграционную службу... В отличие от российской бюрократической системы, тут никого не обхвоят, не оскорбят и не обидят, ничем не покажут своей власти над просителем. Но и не приглубят...

Я не раз слышал от недавно приехавших в США выходцев из России и других стран бывшего СССР, привыкших к другой атмосфере в государственных учреждениях, что там можно испытать всяческие эмоции и почувствовать разное отношение к себе, и что такие же офисы в США просто дышат холодом, равнодушием и ледяными улыбками. Минимум эмоций и слов. Тебя не будут ненавидеть или обожать, а просто обслужат и отпустят. Хотя, скажу честно, государственные учреждения в США, на мой взгляд, действительно не являются символом гостеприимства. Впрочем, этого от них никто и не ожидает. Ожидают другого – профессионального исполнения своих функций, а также минимального комфорта, скорости, прозрачности и доброжелательности. Все это там, безусловно, есть.

Здесь мы вынуждены вернуться к вопросу, с которого начали разговор на эту большую тему, бесконечно отвлекаясь в стороны. Конечно, американцы – нация очень верующая. И чиновники, как правило, верующие. Это, повторю, самая большая по численности населения христианская страна мира, не просто единственная сверхдержава, а, по сути, христианская сверхдержава. Американская политическая и правовая системы, как уже говорилось, очень толерантны к любым религиям, которые хочет исповедовать тот или иной гражданин США, однако все же это именно христианская страна. Этого забывать ни на минуту нельзя. Но здесь есть абсолютный знаменатель, который объединяет представителей всех религий и религиозных направлений, всех атеистов и сомневающих, всех американцев – это Закон.

Закон в Америке пользуется не только почти абсолютным уважением, но и является в определенном смысле сакральным явлением. Американцы настолько трепетно относятся к законам, что очень не любят отменять даже те из них, которые уже давно вышли из употребления и являются откровенным атавизмом. Но каждый такой закон, каким бы абсурдным он ни выглядел сегодня, имел когда-то более чем адекватное обоснование. Например, на Гавайях есть закон, запрещающий носить монетки в ушах: когда-то давно именно монетка в ухе была опознавательным знаком члена организованной преступной группы и торговца наркотиками. Похожий закон есть в штате Техас – согласно ему подросткам запрещено носить странные прически, а взрослым – татуировки на шее и лице: так в свое время выделялись на улице члены преступных банд. В Алабаме есть закон, запрещающий носить в заднем кармане брюк мороженое. Казалось бы – в чем здесь-то может быть проблема? Но в прежние времена таким образом уводили лошадей. Эти животные – известные сладкоежки. Лошадь облизывала мороженое и следовала за конокрадом, принявшим вид празднующегося бездельника. В Интернете можно найти еще немало примеров такого рода, в большинстве своем это местные законы или законы штата. Для рядового россиянина такая ситуация выглядит дикой, а для рядового американца – закономерной. Россия – страна, где законы

меняются очень часто, а еще чаще подменяются подзаконными актами. Америка – страна, где законы отменяют крайне неохотно.

Чтобы закончить с примерами, напомним, что история США знает лишь единственный случай, когда была отменена поправка к Конституции. Это была 18-я Поправка, которая вступила в действие в январе 1920 года и запрещала производство, перевозку и продажу спиртных напитков, то есть устанавливала в стране «сухой закон». На ее ратификацию ушло более двух лет. В 1933 году данная поправка была полностью отменена одновременно с принятием новой, 21-й Поправки к Конституции, которая передавала все права на производство и продажу алкоголя властям штатов. Из федерального бюджета США окончательно исчезла важная статья доходов, а страна в результате «сухого закона», как считают американские историки, получила мощную некогда мафию и «подсела» на наркотики, потребление которых за 13 лет действия 18-й Поправки выросло в полтора раза.

Для американца даже изменение закона – вещь серьезная, нежелательная и далеко не столь частая. А уж отмена какого-нибудь закона вообще многим покажется концом цивилизации. Закон можно не использовать годами, десятилетиями, столетиями, но зачем отменять-то? Тем более что в США действует прецедентное право. Как результат, американские сборники местных и штатовских законов объемны, как, наверное, нигде в мире, а студенты-юристы минимум дважды в год проклинаят свое решение пойти на юридический факультет университета или колледжа. Правда, все остальные дни в году, а также всю последующую жизнь они, как правило, благодарят Всевышнего за выбор карьеры, которая дала им возможность существовать не просто безбедно, но и намного лучше, богаче, обеспеченней среднего американца с высшим образованием.

Америка – страна юристов. Адвокатов, лоббистов, юридических советников. Если по вашей улице проезжает дорогой автомобиль, то девять шансов из десяти, что за рулем или адвокат, или врач, и лишь потом – успешный бизнесмен. Если на вашей улице поселились соседи-юристы, то не сомневайтесь: стоимость окрестных домов обязательно пойдет вверх. Как говорят сами американцы, Америка – не просто страна, где юристам хорошо живется, это страна, реальными владельцами и менеджерами которой являются именно юристы, пусть и через банкиров, чиновников и предпринимателей. Ведь все они – в руках у собственных правовых советников и помощников. Включая президентов США, подавляющее большинство из которых, естественно, тоже юристы.

Поэтому, когда перед американским чиновником любого ранга стоит выбор между исполнением закона и собственными религиозными приоритетами, он, безусловно, выбирает закон. Это даже не совсем выбор. Закон, повторюсь, является для него практически второй, а то и первой религией. Именно этим и интересен был для Америки случай с Ким Дэвис. При всем уважении к ее религиозным взглядам и желанию следовать им, она воспринималась уже как чиновник, как человек, обязанный в первую очередь следовать закону. И хотя она занимала выборную и неоплачиваемую должность, Ким Дэвис, как и все американские чиновники, давала клятву, в которой обещала выполнять законы своего штата. Конечно, вопрос о соотношении морали, веры и права крайне сложен, он так и не нашел своего окончательного и однозначного ответа в истории. Но для американца Закон остается превыше всего – религии, морали, рассудка, прибыли и даже семьи. Закон – главная американская религия. Более того, рискну сказать, что часто закон оказывается выше здравого смысла, по крайней мере в понимании обычного россиянина. Но именно в этом и состоит то, что здесь называется «главенством закона». Это парадоксальная ситуация, в которой даже нарушители закона относятся к нему с определенным своеобразным уважением.

Однако не все так просто в США, как кажется поверхностному наблюдателю. В том числе в вопросе взаимоотношений религии и закона. Как хорошо известно, на американских долларах нанесена знаменитая надпись «In God We Trust», то есть «В Бога мы верим». Срав-

нительно недавно, а именно в 1956 году, эта фраза была принята в качестве официального лозунга страны вместо (или в дополнение) старого лозунга «Из многих – единое». Напомню, что этот лозунг является цитатой из Цицерона и в его оригинальном, латинском варианте 13 букв. То есть именно столько, сколько американских колоний в свое время объединились и создали то, что стало называться Соединенными Штатами Америки. Американцы очень любят всяческий символизм (не зря же именно там до сих пор как нигде сильны традиции масонства). А фраза «Из многих – единое» стала частью государственного герба США.

В 1957 году новая фраза-лозунг «В Бога мы верим» появилась на бумажных деньгах, где уже и так находилось немало символических знаков, большинство из которых историки также относят к масонским. Немало американцев были сильно возмущены и новым государственным лозунгом, и тем более появлением этой фразы на долларах. Атеисты указывали, что США – страна, где религия отделена от государства. Часть верующих требовала убрать эти слова с купюр, ибо находила упоминание Бога на деньгах попросту кощунственным. Собственно, логика у них была такая же, как у выдающегося советского поэта Андрея Вознесенского, написавшего в свое время известное стихотворение «Уберите Ленина с денег!» – фигура Ленина была слишком святой для советских граждан, чтобы расплавиться, например, за водку бумажками с изображением вождя мирового пролетариата. В Америке было подано немало судебных исков, прошли десятки процессов в судах разного уровня, но убрать спорную фразу с долларов было уже нельзя. Более того, движение пошло вглубь. Так, с одной стороны, некоторые штаты решили включить ее в дизайн своих табличек с автомобильными номерами, а с другой – в массовой культуре моментально возник шквал сарказма и шуток на тему этой фразы. Например, появились имитационные доллары с надписью: «Это и есть твой Бог», а сатирик Джин Шеперд в 1966 году озаглавил свою книгу монологов так: «Богу мы верим, остальные платят наличными». Эта фраза стала фантастически популярной, и ее частенько можно услышать до сих пор, хотя сегодня ею, как правило, пользуются те американцы, у которых отсутствует собственное чувство юмора. Иногда ее можно увидеть на стене бара или стриптиз-клуба. Отмечу одно обстоятельство, на которое далеко не все обращают внимание. В этой своей поистине сакральной фразе «In God We Trust» – «Мы верим в Бога» американцы использовали глагол *to trust*, обозначающий в первую очередь доверие – «полностью доверять», «полагаться», а не другие, более, казалось бы, соответствующие данной ситуации глаголы, например *to hope*, *to believe* и так далее. То есть для американца в данном случае вера в Бога это не просто, например, вопрос признания существования Бога, веры в то, что Бог существует, но отдача себя в его руки. Американец не просто верит в Бога, а он на него полагается, вверяет себя ему. Он не просто верит в Бога, он верит Богу, верит, что тот сделает все, что необходимо для Соединенных Штатов и каждого американца. «Мы отдаем себя Богу», «Мы полагаемся на Бога», «Мы безусловно верим Богу»... Не зря политики США, да и не только политики, заканчивают свои публичные выступления обязательной фразой: «God Bless America»!

Как бы там ни было, автомобильный стикер с фразой про Бога является, наверное, самым популярным в стране. Достаточно проехать буквально несколько миль, особенно по южной и средней американской провинции, и вы обязательно его увидите на заднем стекле или бампере автомобиля. Вообще надо сказать, что любые надписи с упоминанием Бога, Иисуса Христа, Библии и т.д. американцы очень любят и активно клеят на свои машины, как бы для напоминания. Но ни разу я не видел в США наклейки про «главенство закона». Про это напоминать самим себе, видимо, не надо. К слову, далее по степени популярности следуют наклейки с названиями учебных заведений или их спортивных команд, а потом – команд из профессионального спорта США. Часто на автомобилях можно увидеть военные наклейки – военно-морского флота, армии, авиации и – еще чаще – разного рода ветеранские наклейки. Чем дальше ты отъезжаешь от больших городов на обоих побережьях

Америки, тем чаще встречаешь машины, обклеенные разного рода надписями и символами. Иной автомобиль может своим видом напоминать домашний холодильник туриста, собирающего магнитики, – трудно даже разглядеть марку под многочисленными наклейками.

В России мне частенько задают один и тот же вопрос. Он касается процедуры клятвы вновь избранного президента страны на Библии. Действительно, на инаугурации, то есть во время вступления в должность очередного президента США каждые четыре года, победитель выборов кладет руку на Библию и произносит клятву вслед за председателем Верховного суда США. Благодаря телевидению сегодня эту процедуру наблюдает почти весь мир. И мне постоянно говорят: мол, как же так – в Америке церковь отделена от государства, а президент клянется на Библии, а не на Конституции, как во многих других странах, и не помышляющих претендовать на звание образца демократии.

Как бы парадоксально это ни звучало, для американцев именно клятва победителя президентских выборов на Библии скорее является символом демократии и свободы в стране, нежели чем-то другим. Но, во-первых, многие американцы, не говоря уже про иностранцев, не знают, что в США нет никакого закона или положения, согласно которому присягу президенту необходимо принимать именно на Библии. Это скорее традиция, рожденная тем фактом, что Америка в основном страна христианская и клятва на Библии воспринимается большинством населения как правильная и разумная вещь. Во-вторых, как говорят американцы, клясться на Конституции в том, что ты будешь выполнять эту самую Конституцию, на которой сейчас клянешься, выглядит абсурдно и несколько курьезно. Более того, в США даже нет стандартного текста президентской клятвы, как нет и определенной и утвержденной процедуры инаугурации. Каждый раз это почти импровизация. И каждый президент делает в этот день все по-своему.

В новейшей истории США сложилось так, что инаугурация обязательно организуется как публичное мероприятие – на площади перед зданием Конгресса США на глазах огромной толпы зевак. Конечно, в сектора для истеблишмента, гостей или прессы можно попасть, только имея специальное приглашение. Однако остальное пространство – все огромное поле в центре Вашингтона – остается открытым для всех желающих, постояв несколько часов, увидеть издали всю процедуру и, если повезет, услышать то, что происходит на подиуме. Пройти на это поле может любой, только предварительно требуется миновать металлоискатели, раскрыть сумки для досмотра и довольно долго ожидать начала церемонии. Но это, как правило, не останавливает ни американцев, ни вашингтонских туристов, так что каждый раз на поле собирается несколько сот тысяч человек.

Великий Джордж Вашингтон – первый президент страны – на своей инаугурации после произнесения клятвы просто поцеловал Библию. Эта традиция прижилась на довольно продолжительное время, но ее сломал генерал Дуайт Эйзенхауэр, ставший 34-м президентом США. Вместо того чтобы поцеловать Библию, он на своей инаугурации в начале 1953 года прочитал собственную молитву. Она, кстати, до сих пор популярна у части верующих американцев. В моей антикварной коллекции (в ее политической части) есть экземпляр этой молитвы, напечатанный для инаугурации и розданный сотне почетных гостей. Мой экземпляр даже подписан лично президентом Эйзенхауэром. Президенты Гарри Трумэн и Ричард Никсон принимали присягу на двух Библиях одновременно. Эту же процедуру повторил Барак Обама. Линдон Джонсон, который стал президентом страны в 1963 году после убийства Джона Кеннеди, клялся на католическом молитвеннике. Извинить его могло лишь то обстоятельство, что он принимал присягу на борту президентского самолета, где, вероятно, не оказалось Библии. А, например, шестой президент Соединенных Штатов Джон Куинси Адамс в 1825 году вообще принимал присягу на сборнике законов, олицетворяющем Конституцию. То же самое сделал в 1853 году 14-й президент США Франклин Пирс.

И такого рода примеров можно привести еще немало. Каждый президент Соединенных Штатов сам решает, как будет проходить его собственная процедура возведения в высшую государственную должность. Такое же отношение здесь существует и к самой клятве выполнять Конституцию страны: выбор слов, которыми президенты описывают свою деятельность, остается за ними. Некоторые действительно произносят слово «Клянусь!» в ответ на вопрос председателя Верховного суда США. Другие подтверждают свое желание следовать Конституции словами наподобие «да», «согласен», «буду».

Кстати, клятву в США принимают практически все государственные чиновники на разных уровнях бюрократической иерархии, причем все процедуры проходят по-разному. Если это чиновник высокого ранга, занимающий уникальную должность, например министр или его заместитель, посол или губернатор, прокурор или глава образовательного округа и т.д., то процедура их инаугурации является большим и даже отчасти увлекательным мероприятием. В силу социальных и профессиональных причин мне приходилось бывать на многих из них – поддержать друга или коллегу, с кем-то встретиться или просто потусоваться в нужной мне толпе политиков, журналистов и экспертов. На такие инаугурации приходят не только будущие и бывшие коллеги вступающего в должность человека, но и его друзья, родственники и члены семьи. Инаугурацию, как правило, проводит вышестоящий начальник. Так, инаугурацию министров правительства США, включая госсекретаря США, проводит президент страны, их заместителей – уже сам министр или госсекретарь. Я не раз был свидетелем всяческих весьма эмоциональных моментов на таких мероприятиях. То старенькая мама будущего высокопоставленного чиновника начнет его обнимать сразу после принятия присяги, то его (ее) жена (муж) и дети начнут признаваться во взаимной любви перед собравшейся толпой, то кто-то начнет яростно демонстрировать свою лояльность президенту или какому-то министру и т.д.

Кончается все это обычно дружеским фуршетом, масштаб которого зависит только от масштаба должности, на которую присягал чиновник, но по российским понятиям в любом случае является весьма скромным. Американцы, как я уже не раз писал, нечасто устраивают массовые, большие и масштабные празднества. Это не их стиль. Зато они, безусловно, умеют устраивать себе частные праздники из небольших, локальных, местных и личных событий. Инаугурация приятеля или родственника – отличный повод. Я уверен, что празднование продолжается где-то дома, на заднем дворе, где уже стоят приготовленные барбекю и кулеры с пивом и колой. Повод ничем не хуже любого другого – выигрыша местной школьной команды, праздника улицы или графства, рождения ребенка. Перефразируя российского сатирика, можно сказать, что американцы предпочитают маленькие, но часто, нежели большие, но редко. Речь, конечно, идет о праздниках, которые люди в США устраивают сами себе.

ЖИЗНЬ «ПО КНИЖКЕ»

Я уже несколько раз писал о том, что государство в США предпочитает в целом доверять своим гражданам, нежели просить их доказывать что-то. Меня, выросшего в СССР, до сих пор поражает, что, например, для подтверждения места жительства при получении водительского удостоверения достаточно принести пару счетов, пришедших по почте на ваше имя по этому адресу – от телефонной, кабельной или водопроводной компании, – или письмо из какой-нибудь государственной конторы. Мне, знакомому с реалиями многих других стран, очевидно, что получение таких писем очень легко подстроить. Я даже знаю немало таких случаев. Например, можно попросить друзей указать их домашний адрес в качестве вашего, а потом передать вам пришедшее письмо. Или договориться о том же с квартирной хозяйкой. Я знал людей в США, которые шли на такие подлоги, чтобы, скажем, заплатить меньший налог при покупке нового автомобиля или еще чего-то дорогостоящего, так как размер налога на продажу в разных штатах заметно отличается.

Другое дело, что если оно, это родное и доверчивое государство, поймает вас хоть раз на обмане или подлоге, мало никому не покажется. Уточню: не только государство, но и, например, кредитная компания или организация, в которой вы приобрели свою медицинскую страховку. Для вас начнутся настоящие хождения по мукам. Никакого доверия от государства или этих организаций вам, как правило, больше не видать. Особенно это касается налоговых деклараций, да и любые ваши документы и рассказы будут вызывать подозрения. Прямо по русской поговорке, полюбившейся американцам с легкой руки президента Рональда Рейгана, – «Доверяй, но проверяй!» Хотя, к сожалению, в стране, родившей эту замечательную фразу, правилом скорее было и остается обратное: «Проверяй, потом доверяй!»

Так что лучше не вводить американцев или государственные организации во искушение, пытаясь их провести, пусть даже с виду это выглядит совсем несложным. Рано или поздно, как показывает жизнь, наступает расплата. То же самое и в личном общении. Американцы обычно легко доверяют друг другу, но, если их обмануть, восстановить доверие будет уже невозможно. Или очень-очень трудно. Единожды солгав, кто тебе поверит?.. Тут, похоже, срабатывает все та же знаменитая американская системность.

Я уже говорил, что человеку со стороны очень трудно первоначально включиться в американскую систему функционирования государства. Любой иммигрант испытал это на себе. Но потом, когда вы становитесь частью системы, «маленькой песчинкой огромной страны», она – эта система – сама начинает «тащить» вас по всем житейским этапам и проблемам. Потеряв ее доверие, вы как бы попадаете в другую, параллельную систему жизнеобеспечения, где крутятся те, кого поймали в Америке на обмане, мошенничестве и разводах. Это могут быть и обычные граждане США, и иммигранты, и недавно приехавшие сюда переселенцы. Те, кто попадает в этот параллельный мир, сталкиваются с постоянными проблемами: кредитные компании не дают полноценных и выгодных кредитов, медицинские компании предлагают страховки по самым высоким ценам, банки неохотно открывают новые счета, арендодатели не спешат предложить жилье и т.д. Выбраться обратно в «нормальную систему» крайне тяжело, особенно учитывая полномасштабную компьютеризацию американской жизни, где ваши данные сразу попадают в неимоверное количество разного рода баз данных, доступных для любых проверок на честность и законопослушность.

Приведу собственный пример: однажды я совершил опрометчивый поступок, послушавшись, кстати, совета своей кредитной компании. Надо сказать, что я имел с ними дело много-много лет. Все эти годы они меня настойчиво предупреждали, чтобы перед длительными поездками, особенно по нескольким странам, я информировал их о том, что моя кре-

дитная карточка может быть использована не в местах ее обычного применения, а в каких-то относительно экзотических точках мира. Мол, это позволит им усилить безопасность и моей карточки, и всей моей кредитной истории, которая очень нужна и важна для того, чтобы оставаться в «правильной» базе данных как многолетний привилегированный пользователь.

Ездить, как известно, мне приходится очень много. Но признаюсь, что в основном из-за собственной лени и разгильдяйства я много лет благополучно игнорировал эти предупреждения и советы. Ни разу во время моих многочисленных поездок в разные страны мира кредитные карточки меня не подводили. Наконец одним злосчастным вечером накануне очередной поездки за рубеж, начитавшись перед этим статей про рост краж личных данных и мошеннические манипуляции с ними, я позвонил в свою замечательную, эффективную, дружелюбную, терпеливую, как мне казалось, кредитную компанию. И предупредил, что меня не будет на территории США месяца полтора. Радость дежурного менеджера трудно было переоценить. Она не только подробно расспросила меня о сроках поездки и возвращения, но и сказала, что поставит мою кредитную карточку в режим отслеживания на предмет возможного злоупотребления ею кем-то посторонним за океаном, куда я летел. Любые подозрительные действия, заверила она меня, будут пресечены, ко мне не будет никаких финансовых претензий, а карточка будет автоматически снята с режима отслеживания в день моего возвращения в США. Замечательно.

Здесь я должен еще раз поблагодарить свою природную лень и разгильдяйство, так как я позвонил только в одну кредитную компанию, хотя у меня, как и у большинства американцев, в то время было, наверное, пять или шесть различных кредитных карточек. Этим я сумел уменьшить размер своих будущих проблем в пять или шесть раз. Как потом выяснилось, кредитная компания и не подумала в день моего возвращения снять карточку с режима отслеживания, и та осталась в базе данных «подозрительных» карт, о чем я какое-то время находился в счастливом неведении. Когда мне через пару месяцев потребовалось оплатить покупку, превышающую мой тогдашний кредитный лимит, я опять позвонил в кредитную компанию с просьбой его повысить. Обычно это занимает несколько минут. Неожиданно выяснилось, что мне не только отказывают в повышении кредитной линии, что очень странно, но и вообще замораживают все операции по карте до тех пор, пока не будет выяснено, что она находится в базе «подозрительных» карт безосновательно. Доказывать это должен был, естественно, я. Никакого дружелюбия и эффективности, не говоря уже про чисто человеческое понимание и сочувствие, от своей компании в этот раз я так и не дождался.

Проще всего, конечно, было вовсе отказаться от этой карточки, но меня прямо предупредили в компании, что в таком случае я сильно испорчу всю свою персональную кредитную историю, охватывающую, на минуточку, все мои прошлые, настоящие и, возможно, будущие кредитки. Для американца такая угроза почти смерти подобна, ибо жизнь в кредит (то есть в долг) является одним из важнейших способов существования не только государства США, но и подавляющего большинства рядовых американцев. Как я уже где-то писал, американцы считают, что надо сначала приобрести услугу или товар, начать ими пользоваться, а уж потом расплачиваться, имея этот товар или услугу в своем полном распоряжении. А не наоборот, как принято во многих других странах. Это вполне, на мой взгляд, разумная позиция, стимулируемая к тому же всем устройством американской банковской и налоговой систем. Так, к примеру, каждый американец знает, что покупать дом в кредит выгоднее, чем выкупать его сразу за наличные, так как банковские проценты по кредиту на жилье государство каждый год разрешает списывать с налогооблагаемого дохода. В США есть еще много хитростей такого рода, однако речь сейчас не о них.

Как бы там ни было, в результате мне пришлось потратить немало времени на переписку с кредитной компанией, заказывать у трех независимых кредитных агентств свои кредитные рейтинги, предоставлять документы для аудита своей кредитной истории и т.д. Все

это заняло несколько месяцев и стоило мне немало нервов. Полное восстановление моей репутации в глазах кредитного сообщества США заняло не меньше года. И поверьте, моя история – это лишь маленький пример последствий выпадения из хорошо работающей американской системы, да еще совершённого по причине собственной наивности.

Конечно, это редкое исключение, но такие сбои случаются в самых отлаженных системах. Однажды наша медицинская страховая компания по неизвестной мне причине не приняла очередной платеж по страховке моей жены, и она на пару месяцев оказалась выброшена из системы медицинского страхования. Мы поняли это, когда неожиданно стали получать от врачей счета, в десятки раз превышающие по сумме обычные. Потом даже пришло письмо от коллекторского агентства... К счастью, эту проблему нам удалось решить относительно быстро и без хлопот.

Другими словами, системный подход ко всему, стандарт и процедура – одна из основ жизнедеятельности всех Соединенных Штатов и каждого отдельного гражданина Америки. Например, в Вашингтоне очень хороший врач-ортодонт, безуспешно пытавшийся в течение часа вскрыть корневые каналы в зубе моей жены, чтобы их правильно переделать, и сложивший кучу своих инструментов в ходе этой битвы, сказал мне: «Мы тут все делаем «по книжке», то есть как положено, по медицинским нормативам». И очень удивлялся, что у моей жены корни одного зуба в России лечились по разным технологиям и даже запломбированы разными наполнителями, один из которых его пресловутая американская стоматологическая техника так и не смогла преодолеть. Я не хочу в очередной раз шутить над пресловутой, как здесь ее подчеркнуто называют, «российской стоматологией», суть не в ней, а в подходе. Мой собственный американский терапевт однажды объяснил мне, как он понимает свою работу: «Я не столько занимаюсь лечением людей, сколько системной проверкой и отсевом информации, чтобы определить наличие и причину заболевания. На это уходят мои основные усилия. Из тысяч фактов, анализов и тестов, которые я просмотрю и отброшу, я наконец нахожу то, что объясняет ситуацию с моим пациентом. Я как рудокоп, все время в поиске иголки в стогу сена».

Приведу пример из совсем другой сферы. Думаю, что он не станет неожиданным для российских автолюбителей и автомехаников, но все же... У меня в США есть приятель, который владеет мастерской по ремонту автомобилей. У него там несколько «ям», всякие приспособления для подъема автомобиля и человек десять работников – от молодых до опытейших 50-летних мастеров. Естественно, работают они по-разному. Одни быстрее, другие медленнее, одни безупречно, другие делают ошибки, которые надо исправлять, и т.д. Много лет назад я наивно спросил своего приятеля, как он определяет объем выполненной работы, время, которое разные работники на нее тратят, как он им платит и сколько, соответственно, берет с клиентов. На мой непросвещенный взгляд, все это производило впечатление полного субъективизма. Но он мне объяснил, что абсолютно все делает «по книжке». И показал свою «библиотеку».

Сейчас, я уверен, все это есть в Интернете, а тогда одна стена его офиса была полностью занята книжным шкафом, где располагались сборники нормативов по любому ремонту практически любой машины с точным указанием того, сколько времени в среднем тратится на то или иное действие. С указанием коэффициента его сложности, затратности, возможных ошибок и т.д. Поэтому хозяин мастерской, давая задание, всегда в курсе того, какой объем работы выполнит его работник и сколько времени у него это должно занять. Оплата – почасовая плюс стоимость деталей, которая тоже есть в книжках.

Кстати, в то время в США в каждом автомобильном салоне можно было полистать «Маленькую Голубую Книжку Келли». Она появилась много десятилетий назад. Сейчас она тоже есть в Интернете. В России в последнее время подобный сервис стал предлагать «Яндекс». На самом деле «голубых книжек» было много. Они содержали подробные таб-

лицы стоимости машин в зависимости от марки, модели, года выпуска, пройденного расстояния, то есть амортизации, и т.д. Ни один уважающий себя покупатель подержанной машины не обходился без того, чтобы полистать эту книгу, и только потом начинал торговаться с агентом по продажам. В свою очередь, я уверен, ни один автосалон не продавал и не покупал бывшие в эксплуатации автомобили без того, чтобы не просмотреть внимательно информацию из этих «книжек Келли». Другими словами, везде и во всем американцы сразу начинают выстраивать систему, позволяющую им максимально упростить и формализовать процесс, чтобы избежать в том числе нашего магического «авось».

Иногда доходит до смешного. Я помню, как после 11 сентября 2001 года, когда американцы начали создавать свои базы в Центральной Азии, я спросил одного высокопоставленного военного, надолго ли они планируют свое присутствие там. Он ответил, чтобы я не верил журналистам и политикам, которые говорят о краткосрочности операции США в регионе. «Мы там на годы, – уверенно сказал он мне. – Есть стопроцентное подтверждение тому, что я говорю: мы уже строим на тамошних наших временных военных базах стандартные спортивные сооружения для военнослужащих». Кто бы знал, что по оснащенности спортивного комплекса (например, есть ли там бассейн или теннисный корт) можно судить о военно-стратегических планах США в том или ином регионе!

Жить по системе и делать все «по книжке», конечно, удобнее, безопаснее и проще. Профессиональнее, если хотите. Но у меня в подобных случаях всегда возникает вопрос: как при таком сверхуважении к правилам и нормам американцы уже много десятилетий являются мировыми лидерами научно-технического и социального прогресса? Ведь это явно требует постоянного выхода за рамки правил и норм, неустанного поиска нетрадиционного взгляда на вещи и явления, отказа от того, чтобы «все делать по книжке». Если сравнить, скажем, Россию и США, то россияне, по моему сугубо дилетантскому наблюдению, гораздо чаще делают что-либо в режиме экспромта и импровизации, чем американцы. Уровень бытовой изобретательности, приспособляемости к обстоятельствам у нас, как мне кажется, гораздо выше, способность найти нетривиальный выход из положения в среднем более развита, чем у привыкших к удобствам, правилам и нормам американцев. Однако это не приводит ни к какому техническому или социальному прорыву в России. Часто все кончается расчетом на авось и знаменитой фразой Виктора Черномырдина про то, что «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Я еще поговорю на эту тему подробнее в другом месте. А здесь скажу следующее. Мне кажется, проблема заключается в том, что любая импровизация и экспромт являются эффективными и продуктивными, только если они базируются на системных и нормативных знаниях их авторов. На знании азбуки того или иного предмета. Это как старый классический пример: все выдающиеся художники-абстракционисты, безусловно, способны написать хороший реалистический портрет или пейзаж. Они отлично разбираются в перспективе и тенях, правилах классического сочетания цветов. У них за спиной всегда есть соответствующая «школа» с ее раз и навсегда выработанными правилами. Просто они пошли дальше в своем мышлении. Так и инженер, изобретатель, дизайнер и т.д. должен хорошо знать системную основу своего дела, прежде чем заниматься импровизацией. Иначе говоря, Америка – страна главенства системы, то есть хорошо подготовленных экспромтов и тщательно продуманных импровизаций. «Авось» никак не катит, как бы ни старались поколение за поколением иммигрантов внедрить это замечательное жизненное правило и здесь.

Излишек доверия в Америке, о котором я говорил выше, даже стал в свое время определенной проблемой для всей страны. Этим доверием активно пользовались преступники – от убийц и мошенников до педофилов и насильников. Этим пользовались и продолжают пользоваться политические махинаторы разных мастей, то вовлекая США в авантюры в разных частях мира, то убеждая их оказать военную или – чаще – финансовую помощь себе,

борющимся с диктатурами и авторитарными режимами в разных частях света. Я обещал по возможности избегать политики. Скажу только, что множество ошибок в своих внешних отношениях США допустили, в частности, в силу наивной и зачастую не подкрепленной никакими фактами веры в неожиданные благие намерения других. Слишком часто в политике США бывало, что идеалы и мечты брали верх над рационализмом, интересами и простым прагматизмом. Внешняя политика Америки – это тот случай, когда простота хуже воровства, а благими намерениями вымощена дорога в ад. Это, конечно, совсем не красит Америку и уж тем более не является демонстрацией интеллекта и образованности ее элиты. Но, нравится это кому-то или нет, излишняя доверчивость является глубинной частью американского менталитета. Впрочем, в последние пару десятилетий – особенно после событий 11 сентября 2001 года – эта черта на глазах сходит на нет.

Власти и общественные организации США потратили в свое время немало времени и денег на борьбу с этим почти безграничным доверием, хотя полностью победить его так и не удалось. Однако факт остается фактом: США сегодня являются гораздо менее толерантной и более агрессивной страной, чем всего поколение назад. И это не может не сказаться и на уровне агрессивности во всем мире, и на отношении к самим США в других странах.

Американцы, как я уже отмечал, предпочитают думать о своей стране как о государстве, где главенствует закон, перед которым равны все без исключения. Америка в их глазах – это главенство закона и главенство равенства всех перед законом. Это равенство прав и обязанностей является не только одним из краеугольных камней американского образа жизни, но и самым, видимо, влиятельным постулатом американской политической культуры, да и всего менталитета. Можно, конечно, спорить, насколько Америке удалось достичь этого равенства в реальной жизни, но я возьму на себя смелость сказать, что именно она приблизилась к идеалу больше других стран, хотя и остается еще в весьма позорном для лучшей демократии в мире отдалении от него.

Глава 2. Характер – американский

Разница между философом и инженером

В книге «Америка. Живут же люди!» я достаточно подробно говорил об американской системе образования, включая школьное. Оно в США действительно очень разное – бесплатное и платное, религиозное и гражданское, хорошее и плохое. Есть и богатые, и сравнительно бедные школы, ну а зарплата учителей в разных штатах различается очень сильно. Как и везде в США, в школьном образовании действуют все те же два фактора. Первый: почти в любом месте страны вы почти наверняка найдете школу на свой вкус и доход, соответствующую целям, которые вы ставите перед учреждением, в котором будет учиться ваш ребенок. Или хотя бы школу, близкую к этому. Вопрос только в цене и времени, которое вам придется тратить на то, чтобы ребенок ежедневно попадал в эту школу к началу уроков. Например, на дорогу.

Напомню, что знаменитые на весь мир по американским фильмам желтые школьные автобусы возят только детей из государственных школ. У многих частных, особенно религиозных школ тоже есть свои автобусы (не желтые), однако в большинстве случаев счастливые, но невыспавшиеся родители учеников дорогих частных школ рано утром садятся за руль и везут своих чад на учебу. А потом – назад. По крайней мере до тех пор, пока ребенку не исполнится достаточно лет, чтобы самому сесть за руль. Конечно, в ряде районов родители объединяются в команды, составляют графики, и тогда счастье увозить и привозить своего и соседских детей в школу выпадает хотя бы не каждый день.

Второй фактор связан с неизбежной системностью американской жизни и строгой взаимозависимостью ее разных сфер, о чем я уже не раз говорил. Хорошие школы, естественно, существуют там, где люди платят высокие местные налоги, включая налоги на недвижимость. Могут себе это позволить, исходя из своих доходов. Соответственно, в районах с хорошими школами живут более обеспеченные американцы. И наоборот – в районах с плохими школами живут малообеспеченные американцы. Как результат, хорошая, престижная государственная школа напрямую повышает стоимость недвижимости в том или ином районе, привлекает людей с более высоким уровнем дохода. А люди с высоким доходом платят существенные налоги в местную казну, что оборачивается, естественно, большим плюсом для школы, которая может платить более высокие зарплаты учителям, чаще делать ремонт помещений и т.д. Так они и поддерживают друг друга. Прорвать этот круг очень трудно.

Такая финансово-образовательная зависимость – реальная проблема, которую правительство США в последние десятилетия пытается решать. Так, во многих городах Америки сегодня желтые автобусы перевозят детей из бедных районов на уроки в школы в богатых районах, чтобы хотя бы как-то выровнять их уровень образования. Детей из богатых районов, естественно, никто в бедные школы не возит. До этого американская педагогическая мысль под мощным давлением идей политкорректности еще, к счастью, не дошла. К слову, в небогатых районах частенько есть очень недорогие частные школы, как правило, той или иной религиозной направленности. Но у многих местных родителей обычно нет денег, чтобы отправлять детей даже в такие школы. Если бы деньги у них были – они не задумываясь сами переехали бы в богатые районы с хорошими, но бесплатными государственными школами.

Этот бесконечный замкнутый круг всей американской провинциальной жизни составляет какой-то исконный смысл когда-то одноэтажной, а сейчас двух- и трехэтажной Америки. Хочешь, чтобы твой ребенок учился в хорошей школе, – или переезжай в более доро-

гой район, или отправляй своего ребенка в частную, но дорогую школу. Конечно, есть очень богатые районы с плохими школами или вообще без школ – например столица США город Вашингтон. Но это скорее редкое исключение, и встречается оно только в больших городах.

В итоге очень многие американцы действительно переезжают в другой район только ради лучшей школы. Это нормальная и распространенная практика в США. Кто-то, разумеется, посылает детей в частные школы, не зная, на сколько лет обучения там хватит семейного бюджета. Другими словами, Америка, конечно, страна возможностей, но ты – и только ты – должен сам решиться на то, чтобы этими возможностями воспользоваться. Государство здесь тебе не помощник. Потом твои собственные дети или скажут тебе спасибо, или возмущенно спросят, почему ты сделал так мало для того, чтобы они получили приличное образование.

Поэтому образование детей – одна из «священных коров» для подавляющего большинства американцев. В значительной степени граница между «плохими» и «хорошими» родителями проходит по образовательному цензу детей. По тому, какую среднюю школу закончили твои дети, в какой университет или колледж отправились учиться дальше, в немалой степени зависит твоя «родительская» и человеческая репутация в обществе. Образование – это одна из тех немногих вещей, на которых подавляющее большинство американцев не экономит. Более того, ради его получения они могут экономить на всем остальном и не вызывать ни капли удивления у окружающих. Второй такой сферой жизни, экономить на которой в США, как правило, не принято, является здоровье. Но об этом я уже писал в других книгах.

Немалое число американцев учится всю жизнь. Преподавателя не удивляет, что в классе колледжа может оказаться несколько студентов, которые старше этого преподавателя. У меня такое было не раз. Эти «пожилые студенты» или решили еще подучиться, или решили поменять карьеру (пусть даже вполне успешную), или просто располагают свободным временем и хотят провести его с академической пользой для себя. Большинство американских университетов с удовольствием организуют различного рода курсы и классы для таких студентов-добровольцев. И университету финансовая польза, и местным жителям хорошо. Я подробно писал об этом феномене в своей первой книге про Америку. Там же я написал специальную главу, сравнивая американскую и российскую системы образования, поэтому здесь не буду повторяться.

Конечно, в США полно малограмотных, а то и неграмотных граждан. Серьезный вклад в этот позорный показатель делают иммигранты из бедных стран. Уровень неграмотности в Америке, безусловно, выше, чем в России, выше, чем в большинстве развитых стран мира. В Америке нет никакого федерального закона об обязательном всеобщем образовании, нет государственных требований и единых стандартов по уровню и качеству знаний. Более того, образование и право на него вообще не упоминается в Конституции страны. Нельзя силой заставить американца учиться. Единственная возможность заключается в том, чтобы сама жизнь принудила человека к получению образования, к его постоянному улучшению, к совершенствованию своей квалификации и т.д.

Такая система в Америке, безусловно, создана. Более того, она очень жесткая, конкурентная и требующая постоянного внимания к уровню образования и профессиональным качествам. Она тесно связана с рынком труда, с системой заработных плат, налогами и т.д. Образование, наравне со здоровьем, включая стоматологию, – чуть ли не единственные исключения, на которые большинство американцев широко тратят деньги, не экономя и не скупясь. Более того, многие американские семьи начинают копить деньги на образование детей еще до их рождения, создавая специальные образовательные счета, свободные от налогов, и т.д. Однако, повторяю, насильно никого заставить это сделать нельзя, и в самой богатой стране мира есть немало взрослых людей, не умеющих толком ни читать, ни считать. Обратная сторона, если хотите, свободы выбора. Я бы сделал хотя бы среднее образование

обязательным для всех, но опыт США также показывает, что важнее создать максимально широкие возможности для тех, кто реально хочет учиться, дать им возможность проявить свою креативность и способности, нежели стараться грести всех под одну, обязательную для всех гребенку. Хотя, наверное, любые крайности неверны по определению...

В одной из предыдущих книг про Америку я уже писал, что цели российской и американской систем образования весьма различны. Это касается не только средних школ, но и колледжей, университетов, любых учебных заведений. Традиционная, если хотите, европейская система образования, которая работала в СССР, и сейчас в значительной степени сохраняется в России, направлена на воспитание интеллигентного и широко образованного человека, который знает понемногу почти обо всем, что положено знать в современном мире, и способен поддержать не очень глубокий разговор почти на любую тему. Это, скорее, называется воспитанием. Помните, у Пушкина: «Мы все учились понемногу / Чему-нибудь и как-нибудь, / Так воспитаньем, слава Богу, / У нас немудрено блеснуть». И далее: «Онегин был <...> / Ученый малый, но педант: / Имел он счастливый талант / Без принужденья в разговоре / Коснуться до всего слегка, / С ученым видом знатока / Хранить молчанье в важном споре». И, наконец: «Он знал довольно по-латыни, / Чтоб эпиграфы разбирать, / Потолковать об Ювенале, / В конце письма поставить vale, / Да помнил, хоть не без греха, / Из Энеиды два стиха / <...> дней минувших анекдоты / От Ромула до наших дней / Хранил он в памяти своей / <...> Бранил Гомера, Феокрита; / Зато читал Адама Смита» и т.д. Другими словами, Онегин был вполне образованным человеком для своего времени, но Пушкин, по сути, описал всю систему российского образования и воспитания. Мало что изменилось с тех пор, разве только идеологическая составляющая процесса.

Цель американской системы образования в другом. Это очень прагматичная и по-своему очень целенаправленная система. Ее целью является максимальный жизненный, иначе говоря, профессиональный успех человека. Американская система образования в массе своей готовит узкого специалиста самого высокого класса, способного самостоятельно работать в той или иной сфере по возможности на мировом уровне, но не широко образованного интеллигента, как в России. Конечно, не все американцы достигают высшего уровня, но система дает им такую возможность. Это ее единственная цель. Несколько утрируя, можно сказать, что система образования в США идет вглубь, а система образования в России – вширь. Образованный американец не сможет бесконечно поддерживать беседу с образованным россиянином по неограниченному кругу тем. Его фактические знания сравнительно быстро исчерпаются. Отсюда, видимо, берет свои корни распространенный, но очень несправедливый стереотип о малообразованности американцев. Однако в его профессиональной области от американца можно ожидать самого полного и самого глубокого знания предмета. А также умения самостоятельно принимать решения, брать ответственность на себя и отвечать за результаты.

Директор отделения хирургической онкологии Mercy Medical Center в Балтиморе Вадим Гущин, закончивший медицинский университет имени Н. И. Пирогова в Москве и уехавший в конце 1990-х годов в США, дал в мае 2016 года интересное интервью агентству Lenta.ru. Сравнивая российское и американское образование, он, в частности, сказал: «Хотя у меня и был красный диплом и ленинская стипендия, переучивать оказалось нечего. Все выучил заново. Объемы знаний несравнимы. В Америке учат добывать информацию по определенным принципам. Ты можешь чего-то не знать о больном – он забыл сказать, но ты точно знаешь, как вытащить информацию и как ее интерпретировать. Большой шок, когда читаешь иностранные учебники. Там не говорят, что рак желудка надо лечить так-то и так-то, как говорилось в советских учебниках. Тут пишут: были проведены такие-то исследования, которые показали, что если делать так – получишь один результат, если этак – другой. И ты уже сам домысливаешь, что в какой ситуации тебе предпочтительней. Поначалу очень

странно, неуютно. Но потом, когда осваиваешь умение критически принимать решения, все встает на свои места». Конечно, есть универсальные медицинские стандарты, но, по словам Гущина, «главное, что должен знать каждый врач, – почему, на каких основаниях они (стандарты) были написаны. Я видел в России много переводов европейских стандартов, но это бесполезно: чтобы их понять, врачи должны читать научную литературу. Это очень большая работа. В Америке и в Европе это делают все».

Иными словами, образование должно дать высокий профессионализм, умение принимать решения и нести ответственность за их последствия. Но такое образование полностью в собственных, персональных интересах американского студента. Система дает ему возможность преуспеть профессионально в жизни. Воспользуется он этой возможностью или нет – его личное дело. От этого зависит его успех, денежный доход, положение в старости, уровень жизни и т.д. В России, как известно, такой связи жизни с образованием нет вообще. Иначе говоря, в России из учебных заведений выходят интеллигенты, в США – специалисты. В США получение образования – вещь сугубо практическая и утилитарная, в России же образование является частью духовного, если хотите, самосознания человека, способом получить всеобщее одобрение и уважение. Что лучше – не мне судить, мнения тут бытуют самые различные. В США даже шутят: «В чем разница между философом и инженером? – Разница между ними в 100 тысяч долларов в год». Думайте, мол, сами, что вам важнее...

Советские писатели Илья Ильф и Евгений Петров, как известно, совершили в свое время уникальную двухмесячную поездку по Соединенным Штатам и написали замечательную книгу «Одноэтажная Америка», в которой подробно и даже несколько, на мой взгляд, наивно описали малоизвестную гражданам СССР страну. Конечно, эта книга отражает журналистский, несколько поверхностный взгляд на США, но все же она стала «главной книгой про Америку» для нескольких поколений советских людей. В своих записных книжках, письмах и черновиках Ильф и Петров оставили немало дополнительного материала, который не стал частью книги, но помогает посмотреть на тогдашнюю Америку глазами очень наблюдательных и талантливых советских писателей. Например, в письме жене из Америки Илья Ильф однажды так описал свое впечатление от посещения заводов Генри Форда:

«Заводы удивительные. В них все плывет, десятки тысяч деталей плывут на цепях, движутся по конвейерам. Потом нам показали чудо. Нас посадили в автомобиль, только что сошедший с конвейера, и эта машина, сделанная с лихорадочной быстротой, руками ничего, в общем, не умеющих делать людей, сразу двинулась со скоростью 50 миль. И так она будет идти 30 тысяч миль, 40 тысяч, 60 тысяч – и ничего с ней не случится. Здесь несчастные люди делают замечательные машины. 60 тысяч человек умеют делать два-три движения, зато 15 тысяч, которые ими руководят, великолепные инженеры, практики, организаторы. Они собрали машины, которыми человек не владеет, а только им прислуживает».

Самого Форда Ильф описал так: «...вошел молодой старик в сером костюме, красном галстуке и черных ботинках. Это был мистер Генри Форд. У него замечательные глаза, искрящиеся, похожие, как видно, на толстовские. Мужички. Очень подвижный человек. Он тоже сел. Все время двигал ногами. То упирал их в стол, то закладывал одну за другую, то снова ставил на пол. Говорили мы, что называется, «за жизнь»... Конечно, такой человек, как Форд, уже не думает только о заработке. Он говорил, что служит обществу и что жизнь – вещь более широкая, чем автомобиль. В общем, я видел замечательного человека, который в громадной степени повлиял на жизнь людей. Он сам, надо думать, не очень доволен господством машины над человеком, потому что говорил о том, что хочет делать маленькие заводы, где люди будут работать и в то же время заниматься сельским хозяйством. Такие заводи у него уже есть. Их около двадцати. Они делают различные автомобильные части. Это то, что они называют «деревенская жизнь и городской заработок».

Хорошая, на мой взгляд, иллюстрация предмета нашего разговора. Однажды я наблюдал забавный спор русских в Америке. Один мой знакомый профессор университета в Сент-Луисе, штат Миссури, – выходец из Москвы, кстати, – говорил, что предпочитает лечиться у врача, который не читал Чехова и Пушкина, но знает абсолютно все о предстательной железе. Его сын, родившийся в США, ему горячо возражал – мол, без широких гуманитарных знаний нельзя стать хорошим медиком. Отец приводил сыну в пример врачей, ставших выдающимися писателями, и утверждал, в свою очередь, что ни один писатель не в состоянии стать средненьким врачом. В конце концов все сошлись на том, что и у российской, и у американской системы образования есть свои плюсы и минусы (не буду их перечислять, ибо писал о них в предыдущих книгах). Но, к сожалению, ни та ни другая система не ставит задачи соединить лучшее из двух опытов.

Можно спорить, почему россияне не очень хотят использовать американский опыт. Позиция Америки мне понятна. Нет смысла рыночному государству тратить деньги и время на массовую подготовку широко образованных интеллигентов. Рынку нужны конкретные специалисты. Пусть даже по «двум-трем движениям». Именно это и заприметил Ильф при посещении завода Форда в ноябре 1935 года. Конечно, потом, на свои деньги и в свободное личное время, американец всегда может дополнить свое образование чем-то не особо практичным. И идут 50-летние доктора и адвокаты, предприниматели и инженеры обратно в колледжи. И берут сугубо гуманитарные классы – от истории литературы до теории фотографии, от средневековой философии до культуры черно-белого кино и т.д. Но делают это уже на волне своего успеха, в том числе денежного. И без амбициозной профессиональной цели.

Поэтому в США есть огромное число учебных заведений, предоставляющих такую возможность представителям среднего и верхнего среднего класса страны в зрелые годы. До этого умами американцев владеет другая ценность: образование – это способ укрепить себя по жизни, заработать больше, чем окружающие; это твое конкурентное преимущество, твоя личная безопасность. Рекламы американских школ, колледжей, университетов полны сравнительными данными о том, насколько больше в среднем зарабатывает за свою жизнь человек с тем или иным уровнем образования. А сами американцы любят говорить, что потерять можно все – деньги, жилье, семью, здоровье и т.д. Единственная вещь, которую нельзя потерять, – это образование. Это твой вечный капитал, в который не жалко вкладываться, ибо отдача от него будет до конца жизни. При этом у тебя нет обязанности получить образование, а у государства – его тебе дать. Дело сугубо добровольное.

Бабушка versus бебиситтер

Начнем с самого начала. В начале американской цепочки образования, как, впрочем, и российской, находятся ясли. Дальше начинаются отличия. Как я уже неоднократно писал, в Америке почти полностью отсутствует такой социальный институт, как «институт бабушки», являющийся важнейшим элементом российского процесса воспитания молодого поколения. Другими словами, в США бабушки (не говоря уже о дедушках) с внуками не сидят. Во-первых, они в подавляющем большинстве случаев живут довольно далеко от своих детей и внуков (динамичная жизнь американца, которая приводит к этому, еще будет предметом нашего рассмотрения), а во-вторых, им и в голову не придет мысль о том, что воспитание внуков является их обязанностью. Американские бабушки вовсю живут своей жизнью, которую они заработали к старости или к пенсии, и обменивать это право на то, чтобы облегчить существование своим женатым детям, они не готовы. Сами завели детей – сами и воспитывайте. Конечно, периодически, на праздники или на каникулы, они готовы взять внуков к себе, зная, однако, когда именно кончится этот срок.

Здесь любят вспоминать определение американской старости, которое дал Рональд Рейган: «Старость – это когда у вас есть два-три варианта, как провести вечер, и вы выбираете тот, который приведет вас домой не позже девяти». Какие уж тут внуки... Безусловно, есть и немалые исключения, особенно в этнических диаспорах Америки, сохраняющих более традиционные формы семей. Например, бабушки в семьях русских иммигрантов выполняют зачастую свою привычную роль, как будто они продолжают жить в России. Однако это правило сохраняется не более чем на одно-два поколения. Иногда американские родители посылают своих детей пожить у бабушки в ситуации, когда они стоят на грани развода и хотели бы хоть ненадолго защитить детей от реалий разваливающейся семьи. Иными словами, вынужденно. К слову, статистика разводов в США крайне высока и примерно соответствует российской. Так что подобные случаи здесь – не исключение.

И дело вовсе не в своеобразном эгоизме старшего поколения американцев, а, скорее, в некой исторической справедливости: каждое поколение должно воспитывать своих детей. Без разрыва, если угодно. И каждое поколение должно иметь возможность пожить в свое удовольствие на склоне лет: путешествовать, спать столько, сколько хочется и когда хочется, жить в своем стиле и ритме. Не провожать по утрам внука в школу и ждать его к обеду, но ходить на свои тусовки, играть в бинго и ужинать рано, когда в ресторанах действует специальная большая скидка. (Кстати, замечу в скобках, эта скидка – очень популярный в США маркетинговый инструмент: если прийти в ресторан в районе 17 часов, то можно увидеть там невероятное количество пенсионеров.) Увидеть в США бабушку или дедушку, направляющихся в школу для разборок с учителями или директором, можно очень-очень редко и в порядке исключения. Как правило, они с удовольствием приходят туда – но только на выпускной вечер или школьный концерт, в котором участвуют их внуки и внучки.

Говоря о «поколении бабушек», справедливости ради надо признать, что за пару последних десятилетий ситуация стала постепенно меняться. Сегодня чаще, чем когда-либо в новейшей истории США, можно встретить американца, не отдаляющегося от родителей больше чем на расстояние средней автомобильной поездки. Так, почти половина взрослых самостоятельных американцев сегодня живет приблизительно километрах в 30 от своих матерей. Эта тенденция стала набирать силу уже более 20 лет назад, когда оказалось, что американцы с небольшими доходами стараются не уезжать далеко от места, где они родились. Но это связано не с внуками. Это связано, во-первых, с экономическими возможностями части американцев, старающихся повысить эффективность своих расходов на родителей, а, во-вторых, с тем, что система услуг для пожилых граждан в Америке в немалой

степени опирается не на государственные фонды, а на личные возможности их самих и их семей. Если более обеспеченные семьи готовы немало платить за уход за своими пожилыми родственниками, то люди со скромным заработком, как правило, оплачивают частичный – в разной степени – уход за ними, а остальное компенсируют своими семейными и личными усилиями. Тенденция имеет довольно устойчивый характер, но подчеркну: она связана не с воспитанием бабушками и дедушками подрастающего поколения, а как раз наоборот – с необходимостью для части американских семей оптимизировать расходы на уход за своим старшим поколением.

В США, как и во всех странах мира, у пожилых граждан есть только две возможности обеспечить себе достойную старость: собственные сбережения, доходы и инвестиции и забота, помощь и уход со стороны выросших детей. В современных США на каждого американца старше 80 лет сегодня приходится семь взрослых и подрастающих родственников, готовых взять на себя заботу об уходе за ним. Американские демографы считают, что это число будет постепенно уменьшаться. Опросы показывают, что американские семьи с совокупным годовым доходом от 75 тыс. долларов, как правило, рассчитывают на полноценную профессиональную помощь по уходу за своими детьми и престарелыми, так как могут себе это позволить. Те, кто зарабатывает меньше 30 тыс. долларов в год, могут рассчитывать в основном только на свои личные усилия. В этих семьях бабушки – хочешь не хочешь – вынуждены брать на себя некоторые обязанности по уходу за маленькими детьми. И наоборот: подростки – за своими родителями.

В сложившейся в США образовательной системе, в которую сами американцы очень верят и которую реализуют на практике уже не первое десятилетие, кроме «свободы бабушек и дедушек», есть еще несколько очевидных особенностей. Во-первых, неписаное правило, согласно которому каждое поколение должно вырастить своих детей, приводит к тому, что ценностный разрыв между воспитываемым и воспитателем гораздо меньше, чем в случае заметного поколенческого разрыва. Дети воспитываются на примере работающих родителей, а не в доме неработающих взрослых – бабушек и дедушек. Они сразу воочию видят семейную рабочую жизнь со всеми ее плюсами и минусами, радостями и провалами, финансовыми проблемами и межличностными конфликтами. Тем более что подавляющее большинство американских семей имеют сегодня двух-трех и более детей, часто с большой разницей в возрасте между ними. Поэтому, кстати, проведение даже одних выходных у бабушки, как правило, не вызывает энтузиазма ни со стороны внуков, ни – тем более – со стороны бабушек.

Во-вторых, отсутствие бабушек как важного элемента в воспитательной цепочке приводит к появлению такого чисто американского феномена, как бебиситтеры. Это подростки, которым за небольшие деньги типичные американские родители доверяют своих детей, когда сами не могут ими заниматься. Я подробно писал об этом в предыдущей книге и здесь не буду повторяться. Более того, бебиситтеры – это один из любимых персонажей Голливуда. Тут есть свои плюсы и минусы, проблемы и особенности. Но поразительно то, что этот феномен носит поистине всеобъемлющий характер, и им вполне довольны обе стороны. Родители получают массу свободного времени за сравнительно небольшие деньги, несравнимые с теми суммами, которых стоил бы детский сад или ясли. А подростки относительно легко и непринужденно зарабатывают наличные, которые, конечно, никто налогами не облагает. Я подозреваю, что даже работники налоговых служб США легко в своей семейной жизни идут на этот микроскопический обман своего государства.

Более того, занимаясь присмотром за младшими детьми, подростки в значительной степени снимают с собственных родителей две тонких проблемы. Во-первых, родителям не надо теперь заниматься организацией свободного времени детей – те с удовольствием или без удовольствия, но в это время подрабатывают. А во-вторых, гораздо меньше средств из

семейного бюджета тратится на так называемые карманные деньги, а то и на какие-то сравнительно серьезные покупки для детей. Частенько подростки сами в состоянии заработать на обновку, бензин или посещение клуба. И не только присмотром за чужими детьми – в США у них есть возможность подработать во многих местах, от ресторанов до заправочных станций. Причем делают они это независимо от уровня жизни своей семьи и заработка родителей. Это такая обязательная для каждого подростка американская «школа жизни». В одной из предыдущих книг я уже рассказывал о собственном семейном опыте в данной сфере. Думаю, любой российский родитель сможет легко оценить преимущества подобной системы прибыльного времяпрепровождения подростков.

Наконец, многочисленные академические исследования показывают, что для подростков, которые немало времени занимались присмотром за маленькими детьми, это становится своеобразным «родительским» опытом – они более ответственно через несколько лет относятся к решению завести собственных детей. Хотя, конечно, это не мешает США оставаться одним из лидеров среди западных стран по числу беременностей среди подростков. Но надо сказать, что, по моим наблюдениям, никоим образом не подкрепленным статистикой, высокая доля подростковых беременностей отмечается как раз в тех районах США, где доходы родителей, как правило, не позволяют им нанимать подростков для присмотра за малышами. Хотя, конечно, я отдаю себе отчет в том, что отсутствие опыта ухода за чужими маленькими детьми вовсе не является главной причиной этих самых беременностей. Скорее, это бедность, наркотики, отсутствие альтернативы в проведении свободного времени, скука и безысходность жизни в маленьких американских городах, пьянство или безработица родителей, плохая компания и т.д.

Конечно, такая ситуация с воспитанием маленьких детей может вызвать бурю возмущения у части россиян, сильно полагающихся в этих вопросах на поколение своих родителей. Но российские реалии сильно отличаются от американских. В России в очень многих случаях несколько поколений семьи живут в одном городе, нередко даже в одной квартире. В США, повторю, последняя ситуация является совершенно невероятной и встречается только в определенных этнических меньшинствах, да и то, как правило, до момента финансового насыщения. Поэтому факт остается фактом: большинство россиян воспитано бабушками и дедушками (при той или иной степени участия), в то время как подавляющее большинство американцев были так или иначе воспитаны подростками, не намного старше, чем они сами. Конечно, масштабы этого воспитания тоже разнятся. Я знаю семьи, где бебиситтеры сидели с детьми каждый день после школы до вечера в течение нескольких лет, а также семьи, которые приглашают сиделок для детей лишь изредка, да и то на несколько часов – когда идут в кино, в гости или в ресторан. Об этом я тоже уже писал в одной из своих книг.

Мне иногда кажется, что истоками культурных и психологических различий между американцами и россиянами в немалой степени является то, что они в детстве, как правило, были объектами воздействия принципиально различных воспитателей. Как воспитывает внука или внучку бабушка? В основном так: «Осторожно, не лезь на забор! Надень еще один свитер, на улице холодно. Надень шапку! Не играй с этими мальчишками, они хулиганы! Съешь еще одну котлетку. Не лазай по деревьям. До обеда конфет не ешь – аппетит перебьешь. Не бегай допоздна на улице. Осторожно с велосипедом и т.д.» Как воспитывает американского малыша подросток? Примерно так: «Иди надень что-нибудь и отправляйся на задний двор! Давай попробуем залезть на это дерево. Давай я буду на твоём велосипеде кататься, а ты беги сзади. Иди займись чем-нибудь, не мешай мне смотреть телевизор. Дай мне свой компьютер сделать уроки. Больше не хочешь? – давай я доем. Закажем пиццу? Моя девушка зайдет. Только не говори потом своим родителям... и т.д.» И этот детский незабываемый опыт вольно или невольно передается из поколения в поколение. Россияне будут вос-

питывать своих будущих детей именно так, как их самих воспитывали бабушки и дедушки, а американцы будут воспитывать будущих детей с помощью нового поколения бэбиситтеров.

Я ни в коем случае не хочу сказать, что один воспитательный вариант лучше или эффективней другого. Как говорили древние мудрецы – каждому свое. Но каждый вариант отражает не только особенности устройства ежедневной жизни в разных странах, но и некие национальные особенности характера. С детства американцев учат, что полагаться надо на самих себя, никто за тебя очень многие вещи делать не будет. За свои интересы надо побороться, иногда против более сильного и взрослого оппонента. Потом, во взрослой жизни, это проявляется в большей мере. В российском варианте воспитания есть свои бесценные стороны – больше любви и защиты, опыта и заботы. Что тоже, безусловно, сыграет свою роль в будущем.

В России каждое поколение берет на себя заметно большую долю непосредственной ежедневной ответственности за воспитание следующего поколения, чем в Америке. Но с немалой помощью предыдущего – бабушкиного – поколения. В Америке же родители обращаются к помощи другой возрастной категории – тех, кто старше их детей всего на несколько лет. Как результат, преемственность поколений проявляется в России и США по-разному. В России дети чувствуют несравнимо большую, чем в США, близость с бабушками и дедушками, да и с родителями тоже. От них они получают основные знания, навыки воспитания и жизненный опыт. Они являются главными примерами для подражания. Родители (плюс бабушки и дедушки) представляют в глазах подрастающего поколения примерно одно «старшее поколение» со школьными учителями, и все они воспринимаются в общем как единое целое. В США в результате того, что дети в немалой степени находятся под присмотром подростков, разрыв между поколениями гораздо меньше. Подростки, сидящие с детьми, являются для последних существенным источником информации, опыта и знаний. Моделью для подражания, если хотите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.